

МОСКВА

ПЕРВОПРЕСТОЛЬНАЯ

ИСТОРИЯ СТОЛИЦЫ
ОТ ЕЁ ОСНОВАНИЯ ДО КРУШЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Москвоведение

Михаил Вострышев

**Москва Первопрестольная.
История столицы от ее
основания до крушения
Российской империи**

«Алгоритм»

2011

УДК 908(470-25)
ББК 26.89(2-2Москва)

Вострышев М. И.

Москва Первопрестольная. История столицы от
ее основания до крушения Российской империи /
М. И. Вострышев — «Алгоритм», 2011 — (Москововедение)

ISBN 978-5-906861-55-9

Москва – город особенный и неповторимый. Это первая, древнейшая столица нашей родины – это сердце России! За свою более чем восьмивековую жизнь Москва видела и нашествие завоевателей, и праздничные салюты побед, и казни предводителей народных восстаний, и революционные потрясения. В Москве история как бы окружает нас, каждый шаг вызывает в памяти ее отдельные страницы. Книга рассказывает о наиболее важных событиях в истории Москвы, о роли столицы и ее жителей в становлении Российского государства. Воедино соединены труды нескольких десятков выдающихся историков и писателей XIX–XX веков. Проиллюстрировано это эксклюзивное подарочное издание уникальными гравюрами, произведениями живописи и фотоматериалами из фондов Отдела изобразительного искусства Российской государственной библиотеки, Государственного исторического музея и Государственной Третьяковской галереи, большинство из которых до сих пор неизвестно современникам.

УДК 908(470-25)
ББК 26.89(2-2Москва)

ISBN 978-5-906861-55-9

© Вострышев М. И., 2011

© Алгоритм, 2011

Содержание

Державный град	6
Собиратели Русской Земли	10
Юная Москва	10
Иван Калита	13
Божьей силой	16
Под великокняжеским стягом	22
Владимирская икона Божьей Матери	26
Москва белокаменная	29
Проклятые грамоты	34
Княжья милость	38
Завещание Василия Темного	41
Москва – Третий Рим	45
Великокняжеский выбор	45
Стояние на Угре	50
Первая коронация	53
Кончина Василия III	56
Последние Рюриковичи на троне	59
Два временщика	59
Победа над Казанью	64
Первопечатник	70
Начало опричнины	75
Горбатые-Шуйские	80
Святой Филипп	84
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Михаил Вострышев

Москва Первопрестольная. История столицы от ее основания до крушения Российской империи

Державный град

*Мы – москвичи. Что делать, милый друг!
Кинь нас судьба на север иль на юг, —
У нас везде, со всей своею славой,
В душе – Москва и Кремль золотоглавый;
В нас заповедь великая жива,
И вера в нас досель не извелась,
На коих древле создалась Москва
И чрез нее – Россия создалась.*

Аполлон Майков

Исполинским амфитеатром нависают над центром столицы Воробьевы горы. Прямо под ними, на пойменном левом берегу Москвы-реки, раскинулся самый крупный в России стадион «Лужники». А еще каких-нибудь сто лет назад там, в Лужнецкой слободе, были лишь огороды да знаменитый Вавилон-колодец – морское ухо, которое, по местному преданию, со временем затопит весь город. Чуть левее – Новодевичий монастырь, чья история тесно связана с возвышением Московского государства и превращением его в мощную империю. На дальнем плане дугою встали высотные дома середины XX века, а среди облаков парит шпиль Останкинской телебашни.

А вот и Кремль – золотая корона города на Боровицком холме, сверкающая куполами старинных соборов. Здесь под балдахином, в порфире и короне, со скипетром и державой в руках, присягали на верность Отечеству российские цари. Здесь, облаченные в одежды святых предшественников, принимали символы патриаршей власти первоиерархи Русской Церкви. Здесь были собраны величайшие православные святыни... Старец Филофей, живший в начале XVI столетия, сравнивая Москву с Римом и Константинополем, назвал богоспасаемый русский град Третьим Римом: «Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Другие называли первопрестольную столицу: Дом Пресвятой Богородицы, Второй Иерусалим, Новый Сион, Небесный град, Алтарь России.

Стрельцы XVII века

Множество московских окрестностей имеет свой неповторимый, милый сердцу отпечаток. На правом, низком берегу Москвы-реки, в ее излучине, напротив древнейшего центра города раскинулось Замоскворечье со своими невысокими причудливыми домиками, выстроенными купцами и мещанами, со знаменитой Третьяковской галереей, множеством торжественных храмов в тихих переулочках. Здесь особая страна, как выразился уроженец Замоскворечья А.Н. Островский. Коренной москвич поведет вас в Кремль, на Соборную площадь, и будет вспоминать, что на этом месте стоял когда-то его предок с другими стрельцами, а с Красного крыльца с криками «Любо вам, братья?!», раскачав, бросали им первых царских советников. «Любо!» – ревели в ответ стрельцы, подхватывая на пики очередного боярина. Другой москвич укажет из окон своего дома на Сретенке место, где стояла Сухарева башня, построенная Петром Великим в честь стрелецкого полковника, не изменившего в трудную для царя минуту. Третий, двуперстно крестясь, расскажет о благолепии староверческих часовен, где казненные *Петром-крокодилом* стрельцы почитаются за святых. Мученическую приняли они смерть и после нее не нашли успокоения, ибо головы их понатыкали на стенах Белого и Земляного города. «Что ни зубец, то стрелец», – сложил печальную поговорку народ и, затаив лютую обиду на власть, жаждал вновь услышать набатный гул колоколов, созывающий московский люд на мятеж...

Москва со своими парками и бульварами, прудами и речками, дворянскими особняками и дворами жилых домов создает самобытную, живописную, ни с чем не сравнимую панораму. Кусково, Останкино, Измайлово, Ховрино, Косино, Арбат, Крутицы. Нет, невозможно перечесть все городские окрестности, в которых сохраняется дух славного прошлого России. Русскую историю здесь можно изучать, прохаживаясь по переулкам, разглядывая старинные дома и храмы, вникая в смысл названий улиц и площадей.

У Москвы нет правильной и строгой красоты европейского города. Ее красота – это красота усадьбы, монастыря, переулка, базара. Все в ней смешано, перепутано; каждый уголок имеет свое особенное очарование, свои предания и тайны.

Два века назад составитель «Географического словаря Российского государства» Афанасий Щекатов утверждал: «Москва – первопрестольная столица всяя России, известная своей древностью и пространством, знаменитая многолюдством и великолепнейшими зданиями, славная достопамятными происшествиями, в разные времена в ней случившимися, и рождением в стенах ее великих государей, незабвенных патриотов и мужей бессмертных, по справедливости почитающаяся в числе главнейших городов Европы».

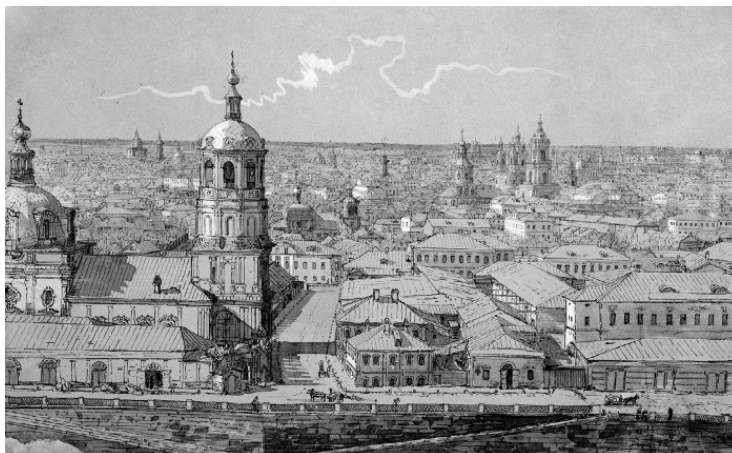
У Никольских отвечают:
«Славен Киев!» – говорят.
И у Троицких не спят:
«Славен Новгород!» – кричат.
«Славен Псков!» – у Боровицких.
«Славен Суздаль!» – у Тайницких.
И гремят в ночи слова:
«Славен, славен град Москва!»
Славен город наших дедов,
В жизни многое изведав,
Сколько войн и сколько бед,
Сколько радостей побед!
И над всеми временами
Древний Кремль, хранимый нами,
Нас хранит из года в год —
Наша гордость и оплот!
Ну-ка снимем шапки, братцы,
Да поклонимся Кремлю,
Это он помог собраться
Городам в одну семью.
Это он нам всем на славу
Создал Русскую державу.
И стоит она века
Нерушима и крепка.
А преданья старины
Забывать мы не должны.
Слава русской старине!
Слава нашей стороне!

«Кто был в Москве, знает Россию» – эти слова Н.М. Карамзина не легковесное хвастовство старого московского жителя, а зрелое умозаключение знаменитого историографа.

Как-то быстро и невовратно этот небольшой городок Суздальской земли стал центром обширного государства, собрал вокруг себя и удержал большинство исконных русских земель. Хотя в начале XVIII века белокаменная кружевница и потеряла блеск царского двора, переселившегося в северную столицу, но навсегда осталась средоточием народной жизни и религиозным центром.

Девятнадцатый век принес в Москву особый дух крупного предпринимательства, щедрого меценатства, искренней благотворительности. Проницательный А.С. Пушкин отметил: «Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развивалась с необыкновенной силою. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством». Каждый год был отмечен появлением новых заводов и фабрик, театров и музеев, богаделен

и больниц, домов дешевых квартир и приютов. Москвичи строили добротнo – на века. И главным человеком в городе, несмотря на обилие праздных людей, был человек труда.

Замоскворечье.

Рисунок А.А. Мартынова

Двадцатый век во многом изменил облик и быт Москвы. Одним горожанам перемены нравились, другие жалели безвозвратно ушедший старинный уклад жизни. Ничего не поделишь – всем не угодишь. Москва слезам не верит, она кому мать, кому мачеха. Москва веками строилась, и душу ее уничтожить ни у кого не хватит сил. Она стала многомиллионным цивилизованным городом, центром российской науки, просвещения, искусства, технического прогресса и даже спорта.

Собиратели Русской Земли

Юная Москва

На месте Святого озера в Косине жили когда-то старец-священник и пустынник Букал. У них была маленькая церковь, в которой они молились. Потом Букал ушел отсюда и поселился на высоком берегу реки Москвы. Здесь ему было откровение во сне, что на месте его нового жилища возникнет большой город, вынесет много испытаний от врагов, но потом будет знаменитее всех городов русских.

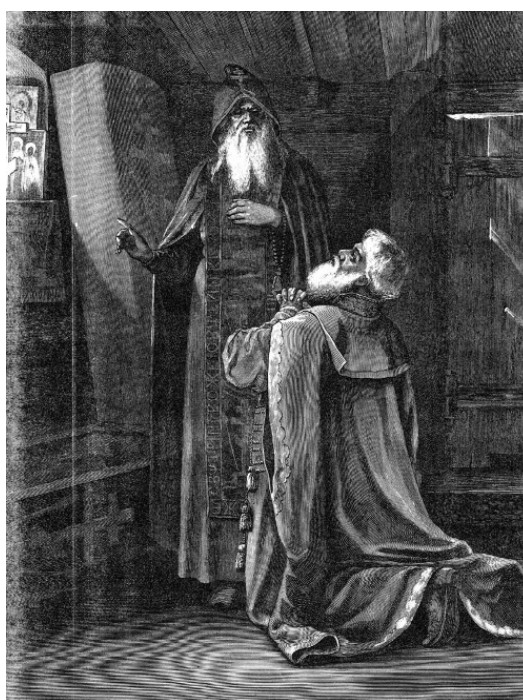
Отправился Букал рассказать о своем видении старцу-священнику. Когда рассказ был окончен, оба стали молиться за судьбу будущего города, и во время совершения священником литургии их церковь стала медленно погружаться в воду, а на ее месте образовалось озеро.

Достойным верующим, добавляет предание, и теперь слышны молитвы, которые возносят за Москву пустынник Букал и старец-священник.

Это было много лет тому назад. Святая Русь держалась сильными князьями, сидевшими на своих удельных престолах. Одно за другим разрастались и крепили княжества, а потом слабели и беднели.

В Суздальском княжестве, на перевале от Москвы-реки к Клязьме и Яузе, посредине Кучкова поля стояла большая усадьба князей Долгоруких. Здесь в 1147 году князь Юрий Долгорукий давал пир своему союзнику князю Северскому Святославу Ольговичу. Да такой пир, что о нем пронесся слух по всей Руси. Много народа съехалось тогда на московские и клязьминские берега. Но потом княжеская усадьба опять опустела. Однако ненадолго.

Весной 1156 года пришла гроза на московские леса – рать княжеских дружинников напала на них с острыми топорами. Крепкие березы, клены, сосны, дубы падали сотнями. Скрипели колеса и оглобли тяжелых телег, ржали кони. Голоса работников сливались в дружный гул. Что же творилось в Москве-усадьбе?

В келье схимника.

Художник К.В. Лебедев

На московских холмах рубили крепкий городок, чтобы было где обороняться от вражеских набегов. Как по щучьему велению, вырастали бревенчатые срубы, на зеленых лугах чернели валы да рвы. Под удалую песню бодро и дружно работали суздальцы. Жаркий весенний день парил солнышком. Быстрые речные струи журчали и пенились под крутыми берегами.

– Ишь ты, как в лесу валежник трещит! – говорил рыжий дюжий суздалец, отирая пот с покрасневшего лица. – Уж не медведь ли к нам на потеху идет?

– Какой тебе медведь! – отозвался другой работник. – Мы тут такой шум подняли, весь зверь разбежался.

Но вот сучья затрещали сильнее, и на прогалину из леса вышли двое. Оба седые, но крепкие телом. Одежда из лохмотьев на них едва держалась.

– Отколь вы? – малость струхнув, спросил рыжий.

– Из леса, – степенно отвечали пришельцы в один голос. – Вы нас не пугайтесь. Мы издавна в приклязьминских лесах живем. Смолу гоним, грибы сушим да молимся за свои грешные души.

– Чего ж вам надо?

– А вот присядьте-ка, братцы. Мы вам чудное дело поведаем.

Все расселись на свежих пнях.

– Ушли мы смолоду с братом от мирской суеты в уединение. Мы словно иноки-пустытники, только без пострига. И ладно жилось нам в лесу, не чаяли и выходить к людям. В одиночестве-то и грешить меньше, и на душе покой да мир. Но как-то ночью приснился нам с братом вещий сон. Явился нам светозарный старец и сказал: «Идите, рабы Божьи, к людям суздальским и помогайте им ставить новый великий град. От того града на святой Руси вечная слава будет – на нем почиет благословение Господне». Вот мы и пришли, братцы, к вам на подмогу.

– Что ж, милости просим, – молвил десятник. – Потрудитесь вместе с нами.

– Дадим-ка им, ребята, рубахи и порты, – сказал один из суздальцев. – Не от себя ведь пришли, от Бога.

Живо одели княжеские ратники пришельцев, дали им хлеба, обласкали, приветили. Чист был в те времена душой и верой русский люд. Никто в словах не усомнился. И принялись лесные пустытники за работу. Тут уж все суздальцы на них воззрились: с чисто медвежьей силой рубили они столетние стволы, бревна, которые троим лишь под силу, в одиночку таскали к срубам. Глядя на них, быстрее заработали и суздальцы. Дивились десятники да сотники: почитай, в одно утро был срублен и сложен целый угол кремлевского острога.

Основание Москвы. Постройка стен Кремля Юрием Долгоруким в 1156 году.
Художник А.В. Васнецов

От усадебных хором показались конники. Ехали они шибко, поспевая за седым боярином. Золотая пряжка на боярской шапке далеко светилась, конская сбруя отливала серебром. Подъехал боярин Дружина Святославич к работникам, снял шапку и молвил:

– Бог в помощь!

– Милости просим! Добро пожаловать! – сотнями голосов загудела толпа.

– Ай да работники! Лихо у вас дело спорится, – дивился боярин, оглядывая сруб. – Спасибо!

Поглядели на боярина дружинники, помолчали, почесали в затылках. Наконец один набрался смелости:

– Не нам спасибо, честной боярин, а вот новым работничкам, что из лесу пришли.

– Как из лесу? – удивился боярин, глядя на пустыльников, которых подвели к его коню.

Десятник, переминаясь с ноги на ногу, рассказал о чудном появлении неведомых людей и вещем их сне. Долго боярин Дружина Святославович глядел на пришельцев. От глубокой думы чело его пошло морщинами.

– Верно ли? – спросил их.

– Истинно так, боярин, – промолвил старший. – Только не все поведал я твоим работникам, не все вещие слова святого старца пересказал. Великое от него сияние исходило. Пославши нас на работу, он еще молвил такие слова: «От града новосозидаемого пойдет слава по белу свету, как от Царьграда. Будет он больше и краше всех городов русских. Сядут в нем на престол могучие московские цари, святители православной церкви утвердят в нем христианское благочестие. И будет в великом граде Москве множество Божьих храмов, и державы иноземные понесут ему честь и поклоны. От моря до моря раскинется Московское царство, великое, неразделимое, неодолимое. Будет оно крепко силой воинской, единым духом народа русского. Слава, слава, слава граду Москве – великому, вечному!» Вот что вещал нам святой старец, представший в сновидении.

И осенил себя говоривший широким крестом. Перекрестился и боярин.

– Чудны дела Твои, Господи! – молвил он, вздыхая. – Ну, стройте, братцы, великий град Москву с помощью Господней!

Иван Калита

«Вообще Москва заставила меня переселиться в другой мир – мир древности... Знаете что, я был космополит, а теперь какое-то перерождение, мне становится близким все русское».

Модест Мусоргский

Издали видны на высокой круче крепкие стены со стрельницами, заборками (защищенными бревенчатым бруствером площадки, идущим по верху крепостной стены), с тяжелыми, окованными железом воротами. За ними тесно сгруппировались строения княжеского города. Почти посередине поднимается на высоких подклетьях терем самого князя. Он срублен из толстых дубовых бревен, изукрашен резьбой и пестрой росписью. Высокое крыльцо с широкими лестницами и узорчатыми колонками ведет к терему со двора. Вокруг в беспорядке разместились княжеские амбары, закрома, погребца, конюшни, хлева, поварня, избы слуг, дворовых людей и холопов. Среди них стоят и хоромы кое-кого из бояр, к ним жмутся их службы.

Над темными крышами жилых и хозяйственных построек блестят золотые кресты московских церквей. Много их воздвигнуто в городе усердием князя Ивана и его благочестивых предков. В западной части, почти у Боровицких ворот, стоит самая древняя московская святыня – церковь Рождества Иоанна Предтечи. Она поставлена еще при князе Юрии Долгоруком и срублена, говорят, из сосен того самого бора, который покрывал тогда весь Боровицкий холм и от которого теперь лишь кое-где среди строек да за стеною уцелели отдельные деревья.

Освящение Успенского собора в Московском Кремле в 1327 году.

Художник И.А. Заборовский

Возле самого княжьего терема стоит другая старая церковь – Спаса на Бору. При церкви – монастырь. Старый град князя Юрия Долгорукого был гораздо меньше тепереш-

него, и монастырь тогда находился за воротами, в бору. Теперь он оказался почти посередине Кремля. Любит князь Иван эту монашескую обитель, часто заходит послушать наставления старцев и жертвует богатые вклады в монастырскую казну.

Но гораздо дороже древних святынь для него только что освященный собор во имя Успения Божьей Матери – единственное каменное здание во всем городе. Его белые стены красиво выделяются среди темной массы других строений. С небольшим год тому назад заложил собор князь Иван вместе с покойным митрополитом Петром. Не дожидаясь окончания постройки, и по завещанию его похоронили под новой церковью, а над его гробом князь Иван повесил лампаду, которая горит день и ночь. Там же, под храмом, похоронил московский князь и своего старшего брата Юрия, погибшего в Орде от руки тверского князя Дмитрия.

На Подоле, у Москвы-реки, под охраной кремлевских стен раскинулся торг. У пристани останавливаются ладьи с товарами, пробирающиеся к Смоленску, Новгороду, в стольный Владимир-на-Клязьме, Рязань-на-Оке, и дальше Волгою – в Сарай, к самому великому хану. Мытники со всех проезжающих купцов берут два алтына с ладьи и один алтын со струга.

Через реку устроен мост, от него через широкий пойменный луг, на котором пасутся княжеские табуны, бежит серой лентой большая Ордынская дорога на Рязань и дальше – в Орду. Навстречу Ордынской из-под восточной стены города подходит большая Смоленская дорога, которая ведет в Смоленск и к Волоку-на-Ламе (Волоколамску), где купцы переволакивают свои лодки из Ламы в Шошу, чтобы плыть к Волге. С каждого купеческого воза, проезжающего этими дорогами, и с каждого человека тоже берут мыт. Если же кто из купцов хочет поторговать на московском торгу, тот платит особую пошлину.

На торгу видны лавки и амбары московских купцов, в базарные дни сюда съезжаются окрестные крестьяне с деревенскими товарами, приносят свои изделия ремесленники из пригородных слобод и посада, и начинается бойкая торговля. Конечно, далеко еще здешнему торгу до новгородского, но и отсюда немало денег благодаря мытам попадает в казну князя Ивана.

Уже несколько дней на Москве необычные хлопоты и суета. Пришла весть, что тверичане, не стерпев обид ханского посла Чолхана, убили и его самого, и почти всех его воинов. Тверской князь Александр не сумел остановить своих буйных подданных и защитить ханских посланников. Князь Иван, посоветовавшись с боярами, решил ехать в Орду, чтобы, воспользовавшись гневом хана, вернуть Москве великое княжение.

Иван Данилович Калита раздает милостыню

Третий день холопы и княжьи люди грузят все необходимое в лодки на Клязьме у места, где выходит к ней волок из Яузы (село Болшево). Князь приедет сюда с боярами и слугами на конях и сядет в ладью.

Перед отъездом князь Иван подолгу толкует у себя в сенях с остающимися боярами, как беречь им княгиню с детьми и управлять княжеством в его отсутствие. Путь в Орду опасен, как встретит хан, неизвестно, и диктует князь дьяку «грамоту душевную»: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Се аз грешный худый раб Божий Иван пишу душевную грамоту, идя в Орду, никем не нужен¹, целым своим умом, в своем здоровии».

Кроме Москвы у князя Ивана пять городов. Много еще сел, слобод и волостей. Живут в них бортники, бобровники, рыболовы, пашенные смерды, с которых княжьи тиуны собирают оброк. Покидая Москву, князь Иван оставляет старшему сыну Семену Можайск и Коломну, Ивану – Звенигород и Рузу, Андрею – Серпухов. Зовет Иван боярина-казначей, велит ему отпереть сундуки, вынимает накопленные им и его предками богатства и делит между сыновьями. Каждому достаются и чаши золотые, и цепи драгоценные, и златотканые пояса, и драгоценное платье. Обо всем позаботился князь, каждой вещи нашел хозяина, недаром же за скопидомство прозвали его Калитой, что значит «мешок с деньгами».

Назавтра, отстояв до зари обедню в Успенском соборе, отслужив молебен Божьей Матери и панихиду у гробниц святителя Петра и брата Юрия, попрощавшись с княгиней, детьми и домочадцами, трогается князь в путь. До Клязьмы с ним едут множество бояр и слуг, дальше будут сопровождать двое бояр и небольшой отряд. Княгиня с детьми восходит на кремлевскую стену и долго смотрит вслед отъезжающим, пока те, переехав моховым болотом за рекою Неглинною, не скрываются из глаз за холмом у Кучкова поля.

В Орду князь Иван, как всегда, явился не с пустыми руками, он поднес богатые дары хану, ханшам и всем мурзам. Хан был с ним ласков, но ярлык на великое княжение пока не дал, а велел наказать буйных тверичей и их князя Александра.

Ранней зимою по первому снегу двинулся Иван обратно. С ним шел татарский отряд в пятьдесят тысяч всадников под командой пяти темников. Пройдя покорную хану Рязань, войско вступило в Суздальское княжество. Тут к татарам присоединились воины Ивана и суздальского князя. Как грозная лавина прошли они по тверской земле. Князь Александр не осмелился выйти им навстречу и бежал в Новгород. Однако новгородцы его не приняли, боясь, что Москва закроет путь их купцам и оставит без хлеба. Пришлось укрываться Александру в Пскове.

Татары разграбили тверские и новгородские земли, разорили Тверь, Кашин и Торжок, грабили и боярские палаты, и бедные хижины, многих увели в полон. Только в Москве и во всей вотчине князя Ивана не пострадал ни один холоп. В середине зимы он вновь побывал в Орде и получил от хана Узбека ярлык на великое княжение.

В Московской земле наступили времена тишины и спокойствия, из опустошенных татарами русских земель шли сюда крестьяне и посадские люди. Князь Иван и бояре принимали их с радостью, отводили земли в своих волостях и селах, давали льготы и подмогу. Даже бояре из других городов бросали своих князей и шли на службу в Москву. Возвращаясь из Орды, князь Иван каждый раз приводил толпы выкупленных им русских пленников и селил их в пустынных местах своего княжества, помогая обзавестись хозяйством и не беря оброка в течение нескольких лет. Зато потом от обустроенных и расчищенных пашен начал получать изрядные капиталы в свою казну.

Москва богатела и становилась самым сильным городом на Руси.

¹ Не принуждаем.

Божьей силой

С 1353 года до своей смерти в 1359 году Москвой правил великий князь Иван Красный. При нем митрополитом всея Руси в 1354 году стал святитель Алексий. Он взялся за воспитание сына Ивана Красного, будущего великого князя Дмитрия Донского, и отстоял право девятилетнего мальчика Дмитрия на московский престол после смерти его отца, несмотря на несогласие многих князей.

Уже давно московские колокола отзвонили к вечерне. Богомольцы уже давно разошлись из церкви по домам. Город приготовился к ночному отдыху. В конце улиц протянуты поперек цепи. Мелькают огоньки перед иконами в божницах на углах улиц и на площадях. Странен вид этих огоньков в заледеневших, густо покрытых снегом божницах – огонь, светящийся из льда и снега.

По кремлевским стенам ходят дозорные, и в тихом морозном воздухе раздаются их оклики:

- Славен город Москва! – начинает один.
- Славен город Киев! – подхватывает другой.
- Славен город Смоленск! – несется дальше.
- Славен город Новгород!

И, как из туго набитого мешка, сыпятся одно за другим в тишину московских улиц имена рассеянных по лицу широкой земли Русской городов: они в эти часы, как и молодая Москва, отдыхают от тяжелой жизненной страды.

А вечер все углубляется, становится все таинственнее. И чуткая душа чувствует присутствие в воздухе невидимых теней былого.

Временами, взрезая тяжелые пласты снега, вразвалку проедет по улицам возок запоздавшей боярыни, или протрусит рысцой, со слугами на верховых конях, знатный человек, или, словно крадучись, проберется вдоль стен домов незаметный обыватель.

И не слышно уже более грохота отмыкаемой уличной цепи, и лая встревоженных собак, и опять с кремлевских стен падают в воздух имена старых русских городов.

И над Москвою загадочно, таинственно, тихо-тихо...

Ночные призраки наполнили и дом боярина Федора Бяконта. Выходец из черниговской земли, человек сильный, богатый, боярин Феодор имеет завидное положение при княжеском дворе.

Разумен не по летам и через своего отца блестящую будущность должен иметь старший сын Федора Елевферий. Любит он игры с товарищами, любит поскакать по полям на быстрой лошадке, половить весною птиц в силки. Но более всего любит рассказы старых людей о том, как жилось прежде, что делалось раньше на Руси.

В бою.

Художник Н.Н. Каразин

В жарко натопленной горнице у печи из цветастых изразцов сидит древний старик, которого призывает по милосердию своему боярин Федор. Неспешно ведет он свой рассказ. Маленький Елевферий углубился в тяжелое резное сиденье с подушками и замер – не шелохнется.

При тусклом освещении оплывающей в медном заморском шандале свечи все же можно различить блеск умных глаз ребенка, выражение напряженного внимания, сменяющееся чувство страха, боли, восторга. Одною ручонкой мальчик схватился за пояс, перехватывающий шелковую голубую рубашку, другую уронил на ручку сиденья, и пальцы этой руки часто, судорожно сжимаются. А речь старика мерная, нет страсти в усталом сердце. Не без ужаса рассказывает он о разгроме русских городов при Батые, о страшных пожарах, о семьях княжеских, задохнувшихся в дыму сжигаемых соборов, тонувших в крови; о стене, которым стонала тогда Русская земля. Стнала и стонет еще...

Без страсти рассказывает старик об удалцах-князьях Мстиславовых и внуке их, прогремевшем по миру благоверном великом князе Александре Ярославиче Невском.

Чего не доскажет старик, то восполняет богатое воображение мальчика. Он слышит грохот битв, он видит князя, как Божий гнев несущегося по полю битвы, под сенью еле поспевающего за ним стяга.

И маленькое сердце, уставшее страдать унижениями родины, утешается славными победами князя Александра.

А старик ведет все дальше свою неспешную речь. Он говорит о том, как киевскому богатырю пришлось склонять свою вольную голову перед ханом, изъявлять ему покорство, чтобы своим унижением покоить родную землю. И маленький Елевферий едет за князем Александром в глубь степей и пустынь к великому хану. Он видит кости умерших по дороге русских путников. И разные чувства смешиваются в детской груди. Хочется, как князь Александр, носиться по полю битвы с поднятым разящим мечом, хочется страдать за народ, исходить за него кровью. И молиться, молиться за скорбную Русь.

* * *

Пятнадцати лет Елевферий поступил в один из московских монастырей и там был пострижен с таинственно нареченным ему именем Алексей.

Шел год за годом. Сверстники бывшего Елевферия возвышались при дворе, а он восходил все выше и выше в тайнах божественной любви.

Двадцать лет прожил он в Богоявленском монастыре, где в то время было много добрых иноков. Тогдашний московский митрополит святой Феогност часто беседовал с Алексием. Чтила его и великокняжеская семья. В течение двенадцати лет он был помощником святителя Феогноста, который, умирая, указал на него как на своего преемника.

Митрополит Алексей принял и свято хранил завет святителя Петра и его преемников: укреплять Москву и сплачивать вокруг себя все еще слабую и неустроенную Русскую землю.

Не дала судьба сбыться мечтам его детства, не сверкал меч в его руках на полях жаркой битвы во славу родины. Но и без меча в руках он был ее защитник и оборонитель. Условия того времени требовали всячески избегать столкновений с Ордой, копить мало-помалу силы и исподволь готовиться к тому, чтобы вступить в открытую борьбу и свергнуть унижительное, тяжкое иго.

Татары оставляли неприкосновенным главное сокровище русских – их веру. С самого начала ига они охраняемыми грамотами предоставляли епископам и духовенству обширные права, и многие из духовных лиц пользовались особым уважением татар. Так, по словам летописи, «имя святителя Алексия промеж дальних, неверных, безбожных татар обносилось как святыня».

Церковная утварь.
Художник И. Глухов

В 1357 году от хана Джанибека, жена которого Тайдула уже три года лежала слепой, пришла великому князю грамота: «Слыхал я про вашего главного попа, что, когда просит он чего у Бога, Бог слушает его. Если его молитвами исцелится царица моя, будете в миру со мною. А не пустишь его – пленю землю твою».

* * *

По Москве из дворцового терема быстро пронеслась весть о грамоте, полученной великим князем Иваном Ивановичем Красным от Джанибека. От бояр, проговорившихся

в семейном кругу, весть была подхвачена их слугами, пронеслась в народ. О письме уже судили и рядили на площадях и торжищах, сошедшиеся у колодца хозяйки, прихожане, оставившиеся у паперти после службы.

Боялись, трепетали, гадали, надеялись.

И среди поднявшегося по всей Москве гомона ничего не знал о том только тот, кого больше всего касалось это дело.

Наконец великий князь послал к митрополиту боярина с вестью, что придет говорить с ним о важном деле.

От поздней обедни великий князь пожаловал к святителю.

Они остались говорить наедине.

Казалось, смятение, волной разлившееся по Москве, не коснулось ликами только митрополичьей кельи. Бесстрастно теплились лампы перед старых икон, бесстрастен был вид величавого святителя с печатью неземного мира и ясности на выразительном лице.

Спокойно слушал Алексей взволнованный рассказ князя, который, держа в руках татарскую грамоту, наизусть читал затверженный перевод придворных толмачей.

Князь умолк. Святитель тоже молчал. Потом встал, помолился на иконы. И все тем же спокойствием святились ясные глаза. Наконец он произнес:

– Прошение и дело выше моей меры. Но я верую, что Бог, даровавший прозрение слепорожденному, не презрит того, кто с верою Его просит...

* * *

По Кремлю неся гул колоколов.

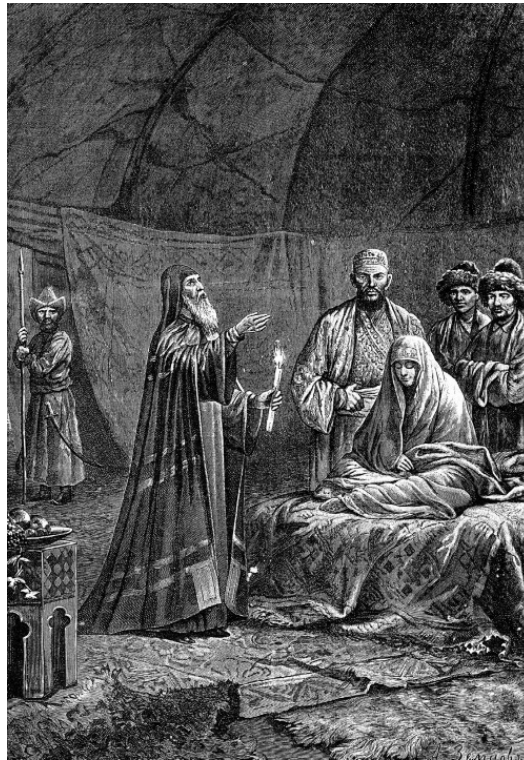
В Успенском соборе по случаю отъезда святителя Алексея собрались служить напутственный молебен.

Во все кремлевские ворота валом валил народ. Соборная площадь казалась морем колыхающихся голов. Рослые вершники с трудом охраняли узкий проход, оставленный для следования в собор великокняжеской семьи.

Митрополит прибыл раньше, воздавал поклонение гробам предшественников своих, московских святителей, облачался. Под трезвон колоколов из терема прошел великий князь с супругой и вдовствующей княгиней Серпуховской, а перед ними, взявшись за руки, шли малолетний княжич Дмитрий, будущий победитель Мама, и двоюродный брат его малолетний Владимир Андреевич, будущий сподвижник Дмитрия на Куликовом поле.

Начался торжественный чин истового молебного пения.

Привычно внимал святитель Алексей знакомым словам, и в то же время много мыслей проносилось в голове его, много чувств волновалось в груди: рассказы старика о скорбях Русской земли, желание помочь, послужить, принести жертву родине, дальнее утро на подмосковных лугах и таинственный голос, первые подвиги, труды для родного края, взваленная на плечи непосильная ноша – требование хана.

Митрополит Алексей в Орде у больной Тайдуллы.
Художник А.Е. Земцов

Душа как бы отделилась от тела, унеслась из Успенского собора, вступила там, в высоком небе, в ряды отстрадавших, прославленных строителей Русской земли, и требовала чуда...

Вставали картины, с детства поразившие святителя. Неужели опять нашествие, избиваемый народ, дымящиеся развалины городов?..

И вознесшаяся в небо, и в то же время присутствовавшая в Успенском соборе душа требовала чуда.

Медленно совершался обряд молебного пения. В слезах, трепеща за свою участь, молилась в храме и вокруг него толпа многонародной Москвы. В один протяжный вопль сливались мольбы к Богу московских жителей.

И громче всех там, в недостижимом небе, вопила душа Алексия-митрополита, требуя чуда.

Вдруг в церкви поднялось движение. Свеча у раки московского первосвятителя Петра, стоявшая по ошибке незажженной, зажглась сама собою.

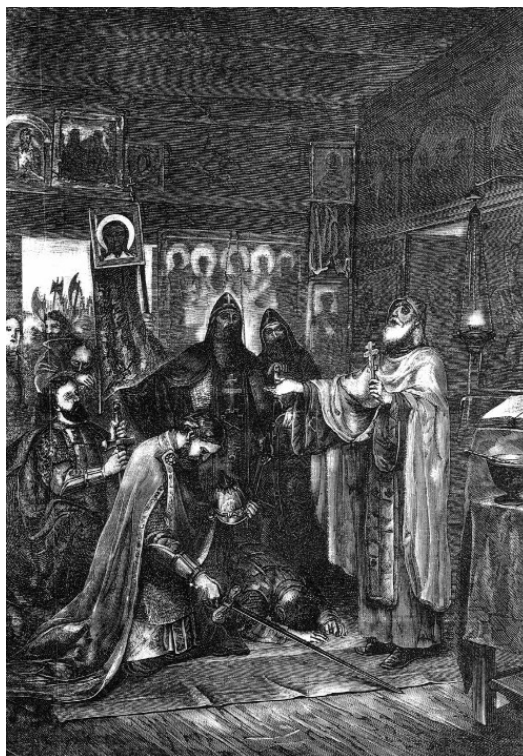
И в этом чуде было как бы уже обещание и совершение требуемого Джанибеком чуда.

Русские летописи рассказывают о том, как святитель Алексей с этой чудесной свечой прибыл в Орду; как между тем Тайдула видела во сне святителя и заказала для него облачение, подробно описав его по сновидению; как в Орде святитель, отслужив молебен, зажегши Петрову свечу и окропив Тайдулу святой водой, дал слепой ханше прозрение; как Джанибек подарил святителю медный перстень с изображением дракона, а в Москве – землю, где митрополит основал Чудов монастырь, в который упокоились его святые мощи.

Под великокняжеским стягом

После очередного пожара в 1367 году великий князь Дмитрий Иванович приказал вместо деревянного выстроить каменный город. При нем возвели белокаменные стены и башни городской крепости, которая с этого времени стала называться в летописях Кремлем.

Бракосочетание великого князя Дмитрия Ивановича с Евдокией совершено было в 1366 году, января месяца в 18-й день. Князю исполнилось восемнадцать лет, и он княжил уже шестой год. Брачное торжество прошло в Коломне со всем великолепием и пышными обрядами того времени. По словам летописца, это событие преисполнило невыразимой радостью сердца всех русских и тем более виновников торжества. Но недолго суждено было молодой княгине наслаждаться безмятежной жизнью счастливого супружества. В самый год бракосочетания ужасная моровая язва поразила Москву. Затем следовали городские пожары, нашествие Ольгерда, поездка Дмитрия в Орду. Евдокия с твердостью переносила эти бедствия, являясь, сколько было в ее силах, помощницей своего супруга.

Преподобный Сергей Радонежский благословляет великого князя Дмитрия Ивановича перед Куликовской битвой

Узнав о Мамаевом нашествии, Дмитрий Иванович по благочестивому обычаю предков прежде всего поспешил в Успенский собор с молитвой о подании небесной помощи против врагов и потом уже разослал гонцов для сбора воинства. Тогда все вдруг пришло в движение, каждый горел желанием принять участие в предстоящей борьбе. Кто не мог служить отечеству оружием, тот служил ему молитвами и делами христианского благочестия. В этом последнем деле Евдокия подавала первый и лучший пример.

Великий князь между тем, устроив полки, отправился в Троицкий монастырь, чтобы принять благословение преподобного Сергея и просить его молитв. Возвратившись в

Москву, он велел войскам выходить, а сам пошел в Архангельский собор. Укрепившись там молитвой и поклонившись праху предков, Дмитрий Иванович вышел из церкви. Тут встретила его Евдокия, окруженная женами князей и воевод, множеством народа, собравшегося провожать великого князя.

– Оставь слезы, – сказал ей князь. – Бог нам будет заступником, и мы не убоимся врага.

Скоро получено было известие, что великий князь со всем войском переправился через Оку в Рязанскую землю и пошел на бой против татар. И стали все скорбеть за князя и за землю Русскую. Не в одной Москве, но и во всех других городах, по словам летописца, раздавались стоны, плач, рыдания.

Утром 8 сентября 1380 года, в субботу, на Рождество Пресвятой Богородицы, русские полки перешли Дон и смело ударили на татар, несметною силою обложивших противоположный берег.

– Княже, дозволю слово вымолвить! – обратился к Дмитрию Ивановичу любимец его боярин Михаил Андреевич Бренко.

– Говори, Михайло Андреевич, – ласково ответил великий князь.

– Разрешу, княже, мне твои доспехи княжеские надеть и стяг твой великокняжеский на свои рамена принять! Дмитрий с изумлением взглянул на говорившего. Татары знают хорошо твои бранные доспехи, будут пытаться тебя в полон взять или убить... Погибнет пастырь – разбегутся овцы его, и снова святая Русь попадет под ярмо татарское!

– Верный ты раб, Михайло, растроганно произнес Дмитрий Иванович, – говоришь правду.

Князь и боярин поменялись доспехами и конями. Бренко взял благоговейно черный великокняжеский стяг и поместил его в особый поставец у правого стремени.

Хан Мамай во время Куликовской битвы

– Да хранит тебя Бог, Михайло Андреевич! – сказал великий князь, прислонился к иконе Пресвятой Богородицы, лежащей на бывших доспехах, перекрестился истово, широко и поскакал в самую сечу.

Русские двинули на врага почти всю свою рать, оставив в засаде только полки князя Владимира Андреевича и воеводы Дмитрия Михайловича Боброка.

На невысоком кургане остался с несколькими дружинниками боярин Бренко, твердо держа в стремени великокняжеский стяг. Запели, завизжали над его головою татарские стрелы; заметили зоркие вражеские очи на холме доспехи Дмитрия Ивановича и стяг. Так и рвутся до кургана добраться. Но держатся дружинники и разят врагов длинными своими копьями.

Все больше и больше разгорается бой, все сильнее насаждают на русские полчища татарские! «Посечены многие князья, бояре и воеводы русские, мечами булатными о шеломы хановские», – говорит летописец. Дрогнули русские полки и отступили, татары с гиком за ними погнались.

Увидел из засады князь Владимир Андреевич, как побежала рать православная, заплакал горько и сказал боярину Волынскому-Боброку:

– Пропала Русская земля! Пойдем с нашими полками, хоть честь свою сохраним, костями ляжем!

– Не время, князь, – ответил спокойно воевода, – ветер прямо на нас дует, подождем.

Ждать долго не пришлось; ветер переменялся, и воевода Боброк вместе с князем Владимиром Андреевичем бросились на татар. Последние, не ожидая встретить неприятеля, дрогнули и побежали. Русские, видя беспорядок в татарских полчищах, дружно надвинулись на них и погнались за врагом. Гнали до самой реки Мечи, людская кровь лилась на десять верст, лошади ступали по трупам. Многие полегли в том бою.

Победа русских была полная. Медленно собирались на звуки труб измученные ратники.

– Где же Ольгердовичи? – спросил князь Владимир Андреевич.

– Посечены, – был ответ дружинников.

– А брат мой, великий князь Дмитрий Иванович?

– Видел я, как на него насели четыре татарина, – ответил седой дружинник, залитый кровью. – Я не мог ему помочь.

– Великий князь ранен, – заметил другой ратник, – у него на лице была кровь.

– Ступайте ищите великого князя! – обезумев от горести, приказал Владимир Андреевич. – Живого или мертвого, но найдите мне брата.

Все бросились на поиски.

Дмитрий Донской, сопровождаемый князьями и боярами, объезжает Куликово поле после битвы.

Художник А.И. Шарлеман

– Убит великий князь! – с ужасом воскликнул воевода Боброк, заметив на кургане доспехи Дмитрия Ивановича с иконой Богоматери на груди.

Белый конь, пораженный вражеской стрелой, был тут же.

Убитый ратник лежал лицом к земле. Великокняжеский стяг закрывал его голову.

Дружинники осторожно перевернули тело.

– Это не брат Дмитрий, это боярин Бренко! – вскричал Владимир Андреевич. – Ищите, ищите!

Наконец наткнулись на Дмитрия Ивановича. Он лежал, израненный, без чувств, под ветвями срубленного дерева.

– Жив! – плача от радости, сказал Владимир Андреевич.

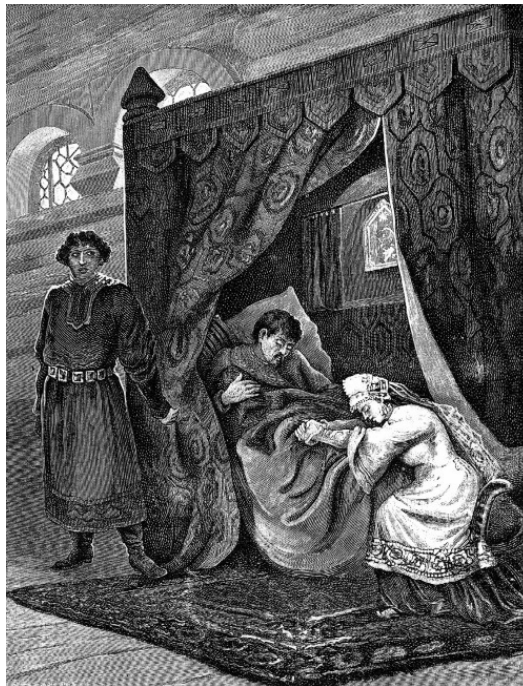
– Жив великий князь! – эхом пронеслось между полками.

Скоро Дмитрий пришел в себя и тихо спросил:

– Где я?

Ему было передано известие о победе и о потерях русских. Услышав о смерти боярина Бренко, Дмитрий Иванович перекрестился и прошептал:

– Помяни, Господи, раба твоего боярина Михаила, положившего душу ради моего спасения!

Великая княгиня Евдокия у ложа умирающего мужа.

Художник В.В. Муйжель

Поход имел благоприятный исход, ярко блеснула заря свободы от татарского ига в русских душах.

22 мая 1389 года, не достигнув еще сорока лет, умер великий князь Дмитрий Иванович Донской.

Потеря супруга была для Евдокии несчастьем, ничем не вознаградимым, последним испытанием, разорвавшим все связи с земным. Она отреклась от мира, изнуряя тело свое постом и молитвой и посвятив себя всецело на дела благочестия и благотворения.

Владимирская икона Божьей Матери

Владимирский образ Божьей Матери – одна из самых древних икон Пресвятой Богородицы; по преданию, написана она святым евангелистом Лукой. В 1331 году образ был прислан константинопольским патриархом киевскому князю Мстиславу и поставлен в Вышгороде. Князь Андрей Боголюбский перенес ее во Владимир, где для нее выстроили Успенский собор, и тогда же она получила название «Владимирская».

С 1395 года и по сей день чудотворная Владимирская икона Божьей Матери пребывает в Москве.

Печален был для России конец XIV века. Едва Русь стала понемногу оправляться от бедствий, причиненных грозным войском хана Мамай, как в Орде воцарился Тохтамыш, и в Москве была получена тревожная весть, что татары захватили в земле болгарской всех русских купцов и на их судах стали переправляться через Волгу. Этого нападения не ожидали и потому не успели подготовиться к отпору.

Вторгшись в русские пределы в 1395 году, Тохтамыш нигде не встречал сопротивления, взял уже Серпухов и быстро шел к Москве. Столица Русского царства была беззащитна. Только незначительная горсть храбрецов затворилась в Кремле, дав торжественную клятву биться до последней капли крови с неверными. Но им недолго пришлось стоять на защите русской твердыни. Хитростью вызванные из Кремля, все они были изрублены татарскими саблями и истоптаны лошадьми. Это была не битва, а дикая бойня. Не удерживаемые теперь никем, татары ворвались в Кремль, разбили церковные двери и вломились в алтари. Церковные сосуды, облачения, княжеское имущество, пожитки бояр, товары купцов, снесенные в Кремль, – все было разграблено или истреблено пожаром.

Татары, пирующие после битвы.

Художник Н.А. Кошелев

Разрушив Москву, татары стали рыскать по всей великокняжеской области и опустошили волости: Юрьева, Звенигорода, Дмитрова, Можайска... При неожиданном натиске Тохтамыша почти все русские князья растерялись. Только Владимир Андреевич, князь Серпуховский обрушил удар на грозный татарский отряд и разбил его. Это внезапное пораже-

ние и разнесшийся слух о том, что великому князю Василию удалось собрать под Костромой сильную рать, смутили Тохтамыша, и он отступил.

Снова на Руси настало затишье, но и на этот раз недолгое.

В Средней Азии явился новый могучий завоеватель, подобный Чингисхану, страшный своей силой и жестокостью. Это был Тимур, или Тамерлан.

Явившись «с восточной страны, от Синей орды, от Шамахинской земли, от Заяицких татар», Тамерлан «велику брань сотвори и многие мятеж воздвиже во Орде и России своим приходом».

По преданию он не был ни царского, ни княжеского, ни боярского рода.

Сплотив в единое целое грозные орды татар, он привел в трепет всю Азию. Все земли от Аральского моря до Персидского залива, от Кавказских гор до пустынной Аравии скоро подпали под его власть.

– Друзья и сподвижники, – говорил он своим эмирам, собираясь напасть на Индию, – счастье благоприятствует мне и призывает нас к новым победам. Мое имя привело в ужас вселенную; движением перста потрясаю землю. Царства Индии для нас открыты. Сокрушу все, что дерзнет мне противиться.

И в этих словах Тамерлана действительно была правда: страшная сила его диких орд давила все встречавшееся на пути. Могучий турецкий султан Баязет попробовал было сдерживать завоевательное устремление этого «владыки мира», но был раздавлен на Ангорских полях. На местах побоищ по приказанию Тамерлана складывались целые горы из черепов погибших, чтобы служить доказательствами его грозного шествия.

С этим-то ужасным «истребителем людей», державшим в своих руках судьбу Азии и Европы, отважился бороться памятный для России хан Кипчацкой орды – Тохтамыш. В 1395 году на берегах Терека он был разбит и решил спастись бегством. В погоне за ним Тамерлан перешел Волгу и вступил в наши юго-восточные пределы Руси. Страшная весть о приближении Тамерлана о его несметных полках, свирепости и постоянных победах ужасала всех.

Довольно скоро подошел Тамерлан со своими грозными полчищами к пределам рязанским, взял город Елец, пленил князя елецкого, избил многих христиан и устремился к Москве.

Но великий князь, однако, не растерялся: он немедленно велел собираться войску и во главе многочисленной рати сам стал на берегу Оки, на границе своих владений, готовясь дать отпор приближавшемуся врагу. Вместе с тем благочестивый князь усердно молился Богу и Пресвятой Богородице об избавлении Руси от надвигавшейся угрозы; он призывал на помощь великих угодников Божьих – Петра, Алексия и Сергия; писал митрополиту Киприану, чтобы наступивший Успенский пост посвящен был самым усердным молитвам и подвигам покаяния.

Со своей стороны, и народ шел навстречу благочестивому усердию великого князя. В храмах Божьих с утра до вечера совершались молебствия о князе и православном воинстве. Митрополит почти не выходил из храма, утешая оставшихся в столице и горячо молясь за идущих на брань святую.

В то же время великий князь распорядился, чтобы в Москву была принесена из Владимира икона Божьей Матери, при чудодейственной помощи которой князь Андрей Боголюбский победил болгар. Во Владимир было отправлено духовенство московского Успенского собора и в день Успения после литургии и молебствия приняло на свои руки чудотворную икону. Народ при этом умирительно восклицал:

– Куда Ты отходишь от нас, Владычица? Для чего оставляешь нас сирыми и отвращаешь от нас лицо Свое?

Встреча Владимирской иконы Божьей Матери на Кучковом поле

Через десять дней священное шествие с иконой приблизилось к стенам Москвы. Бесчисленные толпы народа собирались по пути несения святыни и, преклоняя колени, с усердием и слезами молились:

– Матерь Божья, спаси землю Русскую!

Московское духовенство, члены великокняжеского семейства, бояре и простые жители Москвы встретили святыню далеко за городом и торжественным крестным ходом сопровождали ее до Успенского собора, с теплой верой взывая к заступничеству Царицы Небесной.

Воистину вера, благоговение и моления православных не были напрасны.

В тот самый день час, когда москвичи встречали икону Богоматери, Тамерлан дремал в своем шатре и увидел пред собой великую гору. С ее вершины спускались по направлению к нему святители с золотыми жезлами и бесчисленные тьмы Ангелов с пламенными мечами. Над святыми же мужами и Ангелами в лучезарном сиянии Тамерлан увидел жену неизреченного величия, которая и повелела ему оставить пределы России.

Грозный хан пришел в ужас от этого видения и, проснувшись, созвал к себе старейшин, чтобы те разъяснили ему значение таинственного видения.

– Виденная тобой Дева есть Матерь Бога христианского и Защитница русских, – отвечали хану старейшины.

– Тогда мы не одолеем их, – сказал хан и, к великому удивлению русских и всех его окружавших, немедленно приказал полчищам своим двинуться вспять.

Православные были поражены чудодейственной помощью Небесной Заступницы и в умилении взывали:

– Не наши войска прогнали его; не наши вожди победили его, но сила Твоя, Мати Божья!

В память этого чудесного события на месте встречи чудотворной иконы, на Кучковом поле, был воздвигнут Сретенский мужской монастырь, а самый день встречи, 26 августа, стали торжественно праздновать во всей России.

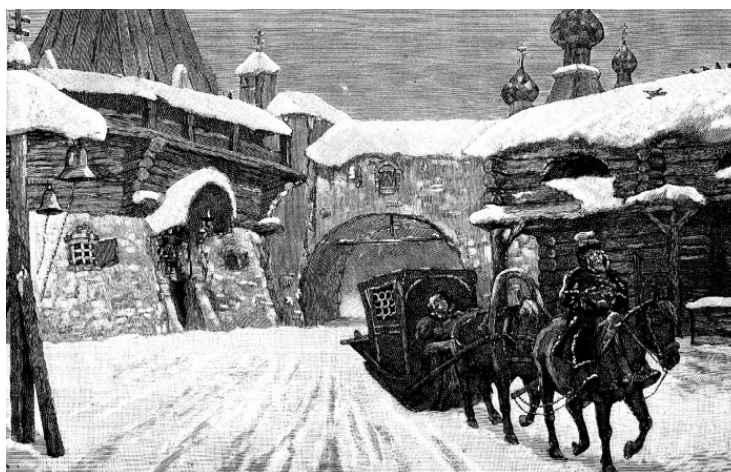
В Москве в этот день совершается крестный ход из Успенского собора в Сретенский монастырь.

Москва белокаменная

Белокаменные соборы и многие крепостные стены Владимиро-Суздальской Руси построены из подмосковного известняка, добывавшегося в подземных каменоломнях по берегам реки Пахры в районе деревень Старое Сьяново, Новлинское и Киселиха, близ Горок и железнодорожной станции Домодедово, где древние каменотесы, вырубили обширные пещеры из многочисленных штолен, залов, коридоров. Известные ходы Сьяновских пещер тянутся на семнадцать километров, образуя сложный запутанный лабиринт. Огромные залы с многочисленными ответвлениями и просторные галереи сменяют узкие лазы и тупики, заваленные глыбами известняка.

О том, как высоко ценилось народом и в течение веков не падало в цене точное, меткое и выразительное слово, говорит существование в фольклоре так называемых постоянных эпитетов: красная девица, добрый молодец, алая заря, чистое поле...

Эпитет в паре со своим постоянным существительным воспринимается слушателем или читателем в гораздо более глубоком и широком значении, чем сам по себе, без него. В их сочетании заложена многовековая народная эстетическая традиция и исторические воспоминания, которые вошли уже в сущность народного характера, народной души. Поэтому-то постоянные эпитеты и создаваемые ими образы не выцветают, не гаснут и не становятся штампами с течением времени.

Былое.

Художник К.С. Высоцкий

Эпитет «белокаменная», приложенный к Москве, как раз такого рода.

А. С. Пушкин пишет:

Но вот уж близко. Перед нами
Уж белокаменной Москвы,
Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.

Ф. Н. Глинка в своем известнейшем стихотворении «Москва» («Город чудный, город древний.....») дает один эпитет, без существительного: свидетельствуя, что этот эпитет уже

давно общеизвестен и соотносим только с Москвой и что он в каких-то случаях может быть даже заменой самого слова «Москва».

Ты, как мученик, горела,
Белокаменная!

Почти точно определяется время, когда Москва стала называться белокаменной.

Юрий Долгорукий, сообщает летопись, основав Москву, уже в 1156 году повелел ставить «град мал, деревян». В последующие два столетия стены города перестраивались, укреплялись, но оставались деревянными. Иван Калита в 1339–1340 годах возвел очень крепкую по тому времени крепость – «град дубов». Деревянной было и вся застройка города. Но с начала XIV века в Москве стали строить церкви из «белого камня» – известняка, который добывали в Подмоскowie по берегам Москвы-реки. Наиболее известны каменоломни возле села Мячкова при устье реки Пахры. К середине XIV века над дубовыми стенами Москвы среди сплошных деревянных хором и изб возвышались каменные храмы: Успенский собор, собор Архангела Михаила, церкви Иоанна Лествичника и Спаса на Бору.

С течением времени военное дело совершенствовалось, появилось огнестрельное оружие, и деревянные стены уже не представляли такой защиты, как прежде.

В 1366 году юный князь Дмитрий Иванович (еще не Донской, до Куликовской битвы оставалось четырнадцать лет), как сообщает летопись, «со всеми бояры старейшими сдумаша ставити город камен Москву, да еже умыслиша, то и сотвориша. Тое же зимы повезоша камение к городу». Добывали, или ломали, камень в каменоломнях летом, а доставляли на место зимой, по санному пути, что было и разумно, и удобно.

Современные исследователи-историки А. М. Викторов и Л. И. Звягинцев подсчитали, что на строительство кремлевской стены было израсходовано 14 370 кубометров тесаного камня и около 40 000 кубометров забутовки; чтобы выломать такое количество камня, нужно затратить 41 500 человеко-дней с продолжительностью рабочего дня 10 часов ежедневно; для доставки такого количества камня в Москву необходимо 230 000 ездов, а, чтобы доставить его за одну зиму, 4 500 возчиков должны были каждый день возить камень, образовав непрерывную цепочку от Мячкова до Кремля.

Летом 1367 года, когда материал для строительства был приготовлен, строители «заложил Москву камен и начаша делати беспрестани».

В том же году строительство было закончено. Крепостная стена с девятью башнями, длиною около двух километров, высотой в три метра, толщиной в два-три метра, была возведена за один строительный сезон. Таких огромных строительных работ Русь еще не знала.

Уже год спустя новые стены спасли город от разорения: в 1368 году литовский князь Ольгерд пришел с сильной дружиной к Москве, но не смог ее взять; неприступной оказалась она и в 1370 году, когда Ольгерд вторично привел свое войско под ее стены.

Часовой в Кремле.
Художник И. Панов

В 1382 году, когда на Москву напал хан Тохтамыш, москвичи решили обороняться. «Имеем бо град камен тверд и врата железны», – сказали они. Три дня штурмовали татары стены, теряя много воинов, но безуспешно. «Видя неудачу, – пишет Н. М. Карамзин, – Тохтамыш употребил коварство, достойное варвара». На четвертый день хан вступил в переговоры, он сказал, что он враг не горожанам, а великому князю (которого в то время в городе не было), что он не будет разорять город, а лишь возьмет дары, осмотрит Москву и удалится. Поручителями истинности намерений Тохтамыша выступили пришедшие с ним сыновья нижегородского князя Дмитрия. Москвичи поверили их клятвам, поскольку те были «россияне и христиане», и открыли ворота. Татары разорили и сожгли город, побили жителей и ушли, увозя награбленное, увозя пленников.

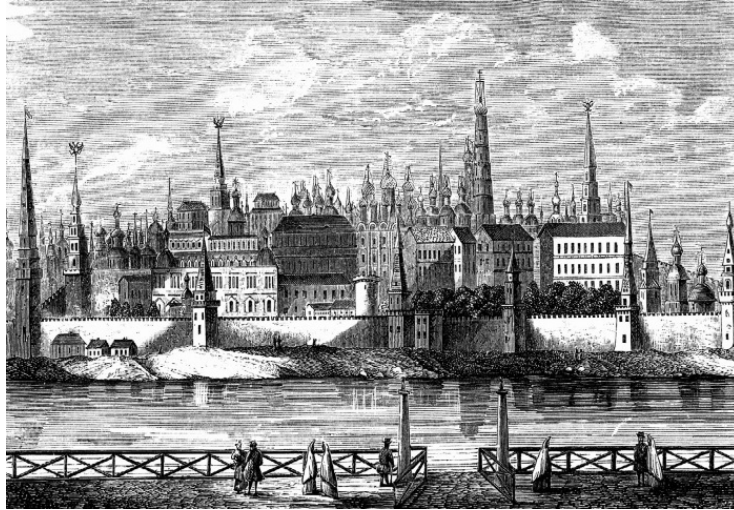
Об этом горестном событии рассказывает «Повесть о Московском взятии от царя Тохтамыша». Описывая разорение Москвы, автор повести вспоминает, какова была Москва до нашествия: «Бяше бо дотолє видети град Москва велик и чуден, и много людий в нем и всякого узорочия».

После разорения Тохтамышева Москва не сразу, но восстала из пепла: москвичи восстановили сгоревшие церкви, построили новые, а крепостные стены и так оставались нерушимы. Целое столетие они служили верной защитой городу, больше ни одно вражеское войско не смогло их преодолеть: хан Едигей в 1409 году подошел, постоял, а на штурм не решился. «Пристроения ради градного, – сообщает летопись, – и стреляния со града». В 1439 году безуспешно осаждал Москву хан Махмет, в 1451 году – царевич Ордынский Мазовша.

Белокаменный Кремль был гордостью Руси. В «Задонщине», поэме о Куликовском сражении, подчеркивается, что войска выступили на битву «из каменного града Москвы»; и в «Сказании о Мамаевом побоище» обращается внимание на это же: «Князь же великий Дмитрий Иванович... выехоша из города каменного Москвы во все трои ворота: во Фроловские, и в Никольские, и в Костянтиновские». В одной из летописей конца XIV века помещен список русских городов: «А се имена градам русским дальним и ближним». Здесь перечисляются

лишь названия городов, и только в одном случае, при имени Москвы, дано слово, характеризующее город: «Москва камен».

Таким образом, появился ставший постоянным эпитет Москвы – каменная, белокаменная. Белокаменные стены Кремля в конце XV века в царствование Ивана III, были заменены кирпичными. Но эпитет «белокаменная» не только оставался за Москвой, но с годами и веками еще более укреплялся.

Московский Кремль в XVII веке.
Художник О. Майкалит

Было это вызвано и народным воспоминанием о белокаменном Кремле Дмитрия Донского. Он был не только могучей крепостью, но и прекрасным памятником древнерусского зодчества. В серии картин А. М. Васнецова, посвященных старой Москве, одна из самых красивых – «Московский Кремль при Дмитрии Донском». Поддерживало эпитет также то, что в Москве и в более позднее время широко использовался белый камень как для строительства храмов, так и в светском зодчестве. Немало белокаменных построек сохранилось до настоящего времени: Грановитая палата в Кремле, Спасский собор Андроникова монастыря, колоннада Градских больниц, военного госпиталя в Лефортове, больницы имени Склифосовского близ Сухаревской площади; многие здания декорированы белым камнем; его использовали для фундаментов, из него сложен цоколь храма Василия Блаженного; между прочим, из мячковского камня сделаны львы на воротах, бывшего Английского клуба на Тверской. А как выглядела белокаменная стена Кремля, можно увидеть в подземном переходе на Варварской площади: там оставлены незакрытыми облицовкой несколько белокаменных блоков нижней части башни Китайгородской стены – Варварской, сложенной из того же мячковского камня.

И вообще, светлый, белый цвет характерен для Москвы. Краснокирпичную кремлевскую стену Ивана III почти четыре века белили, такова была традиция, безусловно рожденная не только заботой о сохранности кирпича, но и памятью о белокаменном Кремле Дмитрия Ивановича; таким, белым, изображен Московский Кремль на живописных полотнах конца XVIII века, например на широко известных картинах Ж. Делабарта: побеленной представлена кремлевская стена и на картине П.

П. Верещагина «Вид на Кремль», написанной в 1860 году. Белить Кремль перестали в самом конце XIX века: на картине А. М. Васнецова «Московский Кремль» 1894 года стена еще светлая, а на этюде М. В. Нестерова 1897 года – уже красноватая. Это дало Маяковскому

представить дореволюционную и послереволюционную Москву таким поэтическим образом:

Москва белокаменная,
Москва камнекрасная...

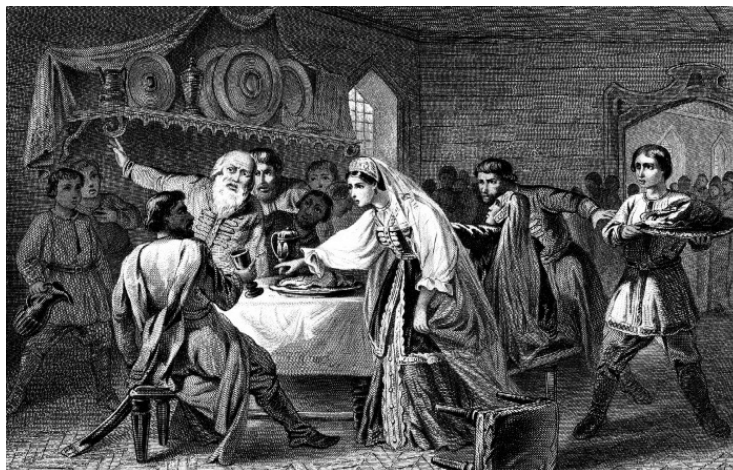
И все же достаточно взглянуть на город с какой-нибудь возвышенной точки, чтобы убедиться, что главный цвет его застройки светлый, белый.

Проклятые грамоты

Церковный собор русских иерархов 15 декабря 1448 года поставил в московские митрополиты без согласия константинопольского патриарха рязанского епископа Иону. Это было началом фактической самостоятельности Русской митрополии.

Ранней весной 1446 года Москва, а за нею и все северные области Московского государства были испуганы, переполошены и смущены ужасной вестью. Случилось то, чего никто ожидать не мог: был ослеплен царь и великий князь московский сосуд Василий Васильевич. Лишила его зрения, этого великого дара Божия человеку, рука его ближайшего родственника по плоти, князя Дмитрия Юрьевича Шемяки.

Много-много лет шла ожесточенная борьба московского князя со звенигородскими Юрьевичами. Пошла она с того злосчастного дня, когда на брачном пиру юного Василия его мать, пылкая и смелая литовчанка, царица Софья Витовтовна, сорвала со старшего Юрьевича, князя Василия Косого, драгоценный пояс, по праву принадлежавший ее сыну. Оба старших Юрьевича, Василий и Дмитрий, были люди грубые, своевольные, жестокие. Один только младший брат их, Дмитрий Красный, обладал мягким, добрым характером и любил справедливость. Самым же лютым из братьев, самым алчным был Дмитрий Шемяка. Василий Косой был удалец, воин, огрубевший в многочисленных жарких сечах. На высоту царского престола он не стремился. Но Дмитрий Шемяка, не столько храбрый, сколько пронырливый, хитрый, злобно жестокий, спал и видел себя на московском великокняжеском столе, который начали уже величать и царским.

Пир у князя

Шемяка повел борьбу с Василием на свой страх и риск. Государевы дружины неоднократно рассеивали его приверженцев, но он собирал их вновь, и снова лилась русская кровь из-за княжеских усобиц. Наконец судьба предала великого князя Василия в руки Шемяки. Злобный Юрьевич, не осмелившись поднять преступной руки на старшего, ограничился тем, что ослепил его и сослал в Углич на кормление.

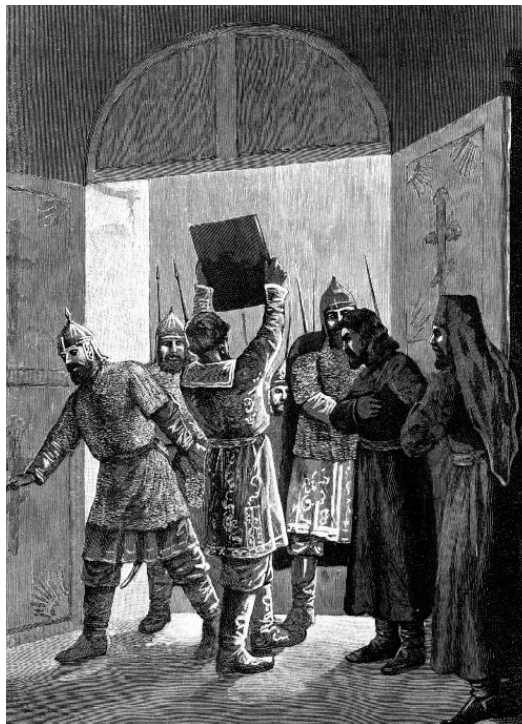
Весть об этом преступлении как гром поразила русских людей. Московский князь, стремившийся к единовластию, уже успел показать свои преимущества перед разорившей народ удельной системой, и теперь наиболее благоразумные страшились за будущее.

– Ахти, последние времена настали! – говорили, и даже совсем не тихо, на Москве. – Какое дело совершилось!

– Злодей Шемяка! И чего от него, кроме сущего злодейства, ожидать?

– А чего добился он, зверь лютый, злодеянием своим? Не усидеть ему, окаянному, на столе, волку смердящему.

Ропот рос, с каждым днем, все усиливаясь и усиливаясь. Рассказы о народном негодовании дошли и до Шемяки. Алчный Юрьевич испугался. На его стороне было ничтожное количество своевольников да буйной молодежи, а все лучшие люди оказались на стороне Василия. За слепца было и духовенство, всегда хранившее заветы справедливости и законной власти. Особенно видным сторонником ослепленного Шемякой Василия считался игумен Кирилло-Белозерского монастыря Трифон – суровый инок, на все глядевший с точки зрения высшей законности.

Великий князь Василий Васильевич перед воинами Шемяки.
Художник С. Караулов

Летом того несчастного года, когда был ослеплен великий князь московский, в Кирилло-Белозерский монастырь прискакал молодой боярский сын Савва Трегубов и приказал провести себя прямо к игумену.

– Что скажешь, чадо? – спросил его Трифон после обычного уставного приветствия. – Какие вести принес ты нам? Добро или худо?

– Не говори, отче святой, о добре. Перевелось оно на Руси! – отвечал Савва.

– Того не может быть! – возразил инок.

– Ан нет, может! Вывел все добро Шемяка окаанный!

– Будто так? Или что новое, горшее прежнего, учинил он нашему великому князю?

– Изничтожил он его...

– Как?! Убить осмелился?

– Хуже. Телом-то жив великий князь Василий Васильевич. Да уж и не знаю, можно ли его теперь великим величать.

– Говори, Саввушка, толком, без присловий своих: что приключилось? – строго произнес Трифон. – Помни, приставлен от нас твой отец глазом быть при великом князе и через тебя мне все поведать.

– Он-то и послал меня к тебе, отче, с докладом. А случилось вот что: дал на себя Василий Васильевич проклятые грамоты.

Трифон побледнел при этих словах гонца.

– Как дал? – пролепетал он. – Великий князь?.. На себя?..

– Выходит, отче, что так.

– Да как же это могло выйти?

– Прослышал окаянный Шемяка, что много людей всякого чина и звания за великого князя стоят, а против него, зверя лютого, пылают. И тогда решил всех отвратить от мученика неповинного. А жил, как тебе известно, великий князь в Угличе. В угнетении, отче, жил он, слепец несчастный, и сыновья его в руках Шемяки находятся. Что только он ни перестрадал за эти дни! Как перемучился! Худо жилось ему. Углицкие кормы весьма скудны, и всего великому князю перетерпеть пришлось. Вдруг с большим отрядом Шемяка и жалуется к нему. Словно и впрямь князь великий. Бояре-изменщики с ним, епископы, архимандриты, игумены тоже.

Тяжелый вздох вырвался из груди Трифона. Глазами, полными слез, взглянул он на образ, завешанный убрисом, потупился и тихо, словно стыдясь чего-то, проговорил:

– А что же они?

– Приступили все они к великому князю с уговорами.

– А Василий что? – перебил Савву Трифон.

Кирилло-Белозерский монастырь в XVII веке

– Сперва тверд был. А потом склоняться стал... После духовной-то бояре приступили и на все лады пужать его начали. Некуда-де ему, слепцу, уйти теперь. Слепой-де князь и народу не нужен, теперь-де ему только и думать, как пропитаться до конца живота своего. Великий князь все еще тверд был. А потом сам Шемяка явился. Да не просто, а с поклонами. В ноги, вишь, кланялся, каялся и прощения просил. Тут против Шемякина добра и не устоял великий князь, сам себя грешником признал и проклятые грамоты на себя дал. Слышь ты, отче, запомнил я, что говорил он, от слова до слова запомнил. «И не так мне надобно было пострадать за грехи свои, – великий князь говорил, – и клятвопреступление перед вами, старшими братьями моими, и пред всем православным христианством. Достоин я был и смертной казни, но ты, государь, – это Шемяка-то! – выказал ко мне милосердие, не погубил меня с беззакониями моими, дал мне время покаяться!» И когда говорил это Василий Васильевич, слезы в три ручья из его глаз текли.

– И проклятые грамоты дал? – быстро спросил Трифон.

– Дал, отче!

– Не он дал, а горе его. Иди, Саввушка, отдохни с пути-дороги. А я тут помолюсь. Да просветит меня Господь! – отпустил гонца Трифон.

Долго он, оставшись один, стоял на молитве и, когда кончил ее, будто просветлел весь.

Всю ночь до рассвета писал Трифон грамоту слепцу Василию. Иногда, прерывая писание, задумчиво говорил сам себе:

– Погибнет Русь в руках Шемяки. А ежели народ узнает о его злодействе, отвернется от князя своего.

Игумен Трифон и великий князь Василий Васильевич Темный

На рассвете Трифон призвал к себе Савву Трегубова и, вручая ему свиток, приказал стрелою лететь обратно и передать отцу, чтобы он прочел грамоту слепому великому князю.

* * *

Прошло с месяц времени, и к воротам Кирилло-Белозерского монастыря подъехал поезд, огромный по количеству провожавших. Это бывший великий князь Василий Васильевич приехал в святую обитель из отданной ему «на кормление» Вологды. Радостным звоном колоколов встретил его монастырь. Двое ближних бояр под руки ввели в соборный храм несчастного слепца. Там уже ждал его суровый игумен Трифон со всей братией.

– Гряди, князь великий московский и всея Руси, – приветствовал его Трифон.

– Святой отче! – взволнованно заговорил слепец. – По голосу узнал я тебя, но приблизиться не смею. Проклял я себя...

– Смело гряди, сын мой! – загремел голос Трифона. – Клятвы твои поневоле даны, не принимает Господь таких клятв. И дабы душа твоя была спокойна, я, инок недостойный, снимаю твои клятвы на себя. Нет на тебе их. Иди княжить и восстанови спокойствие на Руси.

Громадная толпа народа слушала отважного инок. Быстро разнеслась повсюду весть, что свободен великий князь от клятв, и повалил на его защиту народ русский. Шемяка был низвергнут, и снова вступил на великокняжеский стол московский великий князь Василий Васильевич, которого народ прозвал Темным.

Княжья милость

Со смертью в 1453 году Дмитрия Шемяки отошла в прошлое эпоха постоянных раздоров между князьями в Московском государстве. В 1454 году войска великого князя взяли Можайск, присоединив к Москве удельное Можайское княжество. Бывший враг Василия Темного Иван Можайский бежал в Литву. Там же нашел прибежище и сын Шемяки Иван.

Великий князь московский Василий Васильевич, по прозванию Темный, хотя и считался старшим между всеми другими удельными князьями, но не был самодержавным государем. Все удельные князья считали себя во всем равными великому князю.

В то время главным, стольным градом всей Руси была Москва. Но и Москва не красовалась еще своими богатыми теремами, хоромами и церквями. Столица Русской земли более походила на обширное, многолюдное село, защищенное от вражеских набегов высокими каменными стенами. Далее, за Москвою, по берегам Москвы-реки и Яузы, росли дремучие леса и лежали топкие болота. В те старинные, давно минувшие времена, все срединные и восточные области Русской земли были суровым и малонаселенным краем...

Тихо и безлюдно было на улицах Москвы 31 августа, в канун Нового года². Все, и стар, и млад, готовились встретить великий праздник – Новолетие. В древние времена в Москве встречали Новый год с особым торжеством, общенародной молитвой.

Ждут москвичи не дождутся: скоро ли грянет вестовая пушка и раздастся в церквях радостный, громкий благовест к заутрени?

Настала полночь, грянул со стен Кремля призывный выстрел, загудели колокола московских храмов, и разом оживились и наполнились народом московские улицы. Толпы горожан в праздничных нарядах заспешили в Кремль, в Успенский собор, чтобы встретить Новый год вместе с любимым великим князем. Пробирался туда и хилый старик со своим малым внуком, и знатный боярин в шапке, опушенной дорогим соболем, и ратник с топором за поясом. Богомольцы, которые не поместились в храме, толпились на широкой площади перед Успенским собором, близ княжеского терема.

Кремлевская площадь

² В те времена Новый год праздновался не 1 января, а 1 сентября.

Взошло солнце и осветило золотые кресты и главы церквей и соборов московских...

Многолюдная толпа, на площади перед княжеским теремом, завидя крестный ход от церковных врат Успенского собора, заколыхалась, осеняя себя крестным знаменем. За митрополитом вслед вышел из храма и сам великий князь-слепец Василий Васильевич Темный со своим молодым статным сыном Иваном. Крестный ход остановился на площади, у аналая с иконою святого Симеона Столпника³. Стих народный шум и говор, и при всеобщей, благоговейной тишине началось торжественное молебствие с водосвятием. Молится православный народ, чтобы Господь благословил и осенил святою благодатью наступающий новый год, чтобы спас Русь православную от всех неожиданных бед и напастей.

Много усердных богомольцев толпится вокруг аналая, стараясь вслушаться в тихие, молитвенные возгласы старца-митрополита. Много любопытных теснится также и у крыльца княжеского терема. Там, на особом, возвышенном месте, великий князь по старому, дедовскому обычаю после молебна будет всенародно принимать поздравления от бояр, митрополита и торговых людей. Знают все, что великий князь обратится также и к народу с милостивым словом и ласковым приветом. Оттого-то и теснится у княжеского терема шумная толпа народная. Каждому люб привет князя Василия Васильевича.

– С Новым годом, православные! – раздался звучный голос великого князя, и вся толпа единодушно ответила ему приветом: «На многие лета, надежа-государь!»

– Думал я вчера с моими боярами, чем бы порадовать мой народ в первый день нового года, – продолжал великий князь. – Если бы не посетил меня праведный гнев Божий, если б не был я слеп, так я и сам мог бы все высмотреть, узнать, в чем нуждается мой народ. Облегчил бы я тогда все его тяготы, все кровные его нужды. Да не под силу мне это, злодеи лишили меня очей! – Великий князь на минуту поник головою. – Но если Господь судил мне лишиться зрения, – продолжал князь Василий Васильевич, – так, видно, взамен того даровал он мне доброго и разумного сына. Он за меня блюдет народ мой, и ему я во всем доверяю. Сын мой Иван хотя и молод годами, да стар разумом. Вот и вчера он первый подал совет: отменить поплужную подать, чтобы этой милостью порадовать народ в первый день наступающего года.

– Да здравствует наш надежа-государь! Спасибо тебе, милостивец!.. – радостно восклицал народ, с любовью глядя на несчастного князя-слепца и на его молодого разумного сына.

³ 1 сентября празднуется память святого Симеона Столпника; оттого-то и Новый год назывался иногда в старину «Семен-день».

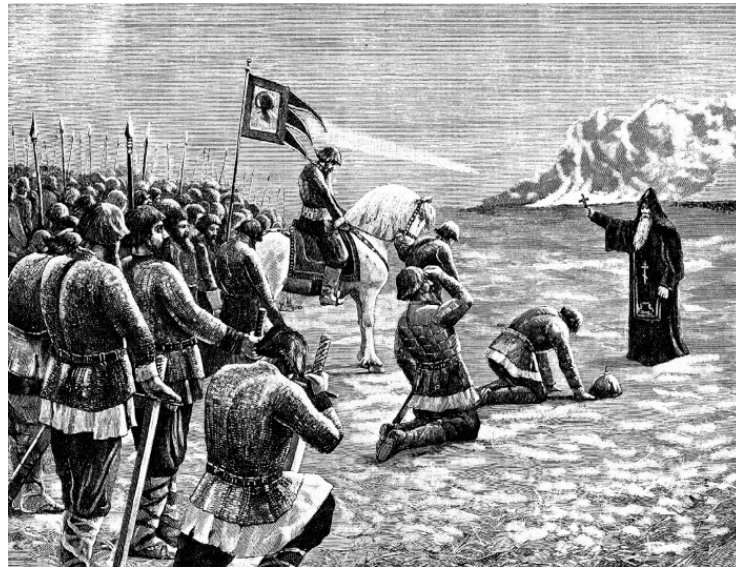

Великий князь Василий Васильевич Темный и его сын Иван

Князь Василий вошел в свой терем. Но долго еще не расходились с площади толпы народа, толкуя о княжеской милости. Уже солнце высоко поднялось на небе, все сильнее и сильнее пригревало оно сырую землю... Кончилась и литургия в Успенском соборе. Пора москвичам вернуться с площади домой; каждого ждет в семье привет и ласковое слово.

Завещание Василия Темного

Уже наступил вечер; замигали звездочки в ясном небе, выплыла из-за садов и рощ полная луна и осветила своим бледным серебристым светом улицы и переулки заснувшей, притихшей Москвы. Князь Иван вошел в свою опочивальню и, помолясь, лег на постель. Но долго не мог он заснуть. Словно наяву виделось ему бледное, болезненное лицо старика-юродивого, слышался плач голодных детей, благодарная молитва обрадованной матери, дрожащий, испуганный голос скупого Власа. Князь Иван лежал не смыкая глаз и пристально глядел в темный, не освещенный луною угол опочивальни. Мало-помалу веки его стали смыкаться, и он задремал...

Перед битвой.
Художник Н. Адамович

Привиделся ему вещий сон: как будто стоит он на верху высокой, крутой горы, а вокруг раскинулась Москва златоглавая, во всей красе своей, с башнями и многоглавыми соборами. До князя доходил шум разноголосой народной толпы, слышал он и звон колоколов... Но вот с юга надвинулась на Москву черная, густая туча. Глядит князь Иван и с удивлением видит, что это не туча, а несметная рать татарская. Весь народ московский в ужасе толпился у подошвы горы, на которой стоял князь. Но взмахнул князь своим острым мечом, и, по его мановению, откуда ни возьмись, налетели на татар русские всадники, и словно дым, разлетелась без следа вся татарская сила. Вновь прояснилось небо, и еще ярче, еще радостнее осветило солнце златоглавую Москву, еще громче раздался святой благовест церковный. А весь народ с любовью и умилением глядит не налюбуется своим державным главою, князем Иваном Васильевичем. Ликование народа слилось в общий гул с благодарным благовестом церковным.

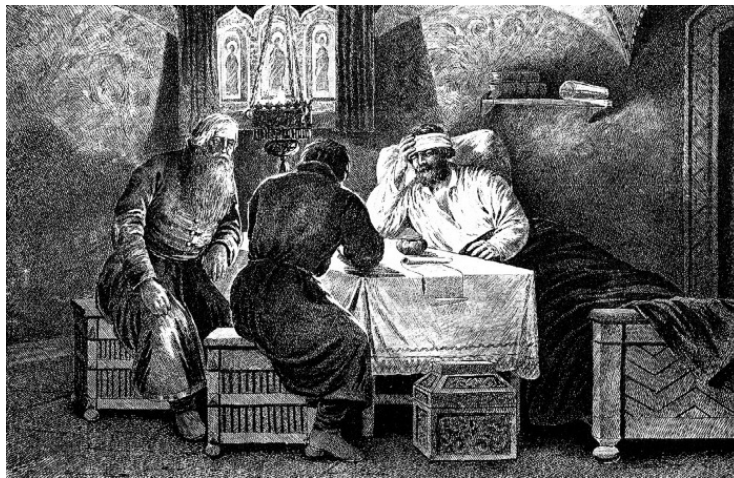
Проснулся князь Иван и, приподнявшись с постели, осмотрелся вокруг. Уже было утро; в окно его опочивальни светила ясная утренняя заря; слышен был громкий благовест: в Успенском соборе звонили к заутрени.

Сон, который привиделся князю Ивану, был ему пророческим. Господь и впрямь судил ему, впоследствии великому князю Ивану III Васильевичу, первому самодержцу России, возвеличить Русь православную и избавить ее от страшного бедствия – от тяжелого ига татар.

В марте 1462 года пошел по всей Москве слух, что великому князю худо. Настал Великий пост, первая неделя стояла, подходила уже пятница.

В ночь на пятницу из палат великокняжеских посланы были гонцы к двум старшим советникам и близким людям князя Василия Васильевича. Скоро прибыли воевода князь Стрига-Оболенский и боярин Федор Басенок. Оба тревожны были. Встретил их на красном крыльце ключник великого князя, молча поклонился и повел в горницу.

В ту пору палаты князей московских еще не блистали пышностью, были строены из дерева и не украшались разным письмом многоцветным. В тесной горнице великого князя было темновато, только большая лампада висячая горела ярким пламенем перед древней иконой Донской Божьей Матери. Та икона досталась великому князю от славного предка его Дмитрия Ивановича, который брал ее с собой, отправляясь на кровавую битву Куликовскую, где в первый раз дрогнули татары перед силой русскою.

Духовное завещание великого князя Василия Васильевича Темного.
Художник Н. Заборовский

Великий князь лежал на одре болезни; белая повязка покрывала черные глазные впадины, лишенные зрения. Услышал князь Василий Васильевич, что пришли бояре.

– Пойдите сюда, слуги мои верные и друзья добрые, – молвил он слабым голосом. – Последней услуги прошу от вас. Помогите слепцу злосчастному.

– Готовы служить тебе, господин наш и великий князь, до самой смерти, – в один голос отвечали бояре.

Велел великий князь, чтобы сели они у стола близ ложа его. Потом пощупал он у себя под изголовьем небольшой ларец окованный, вынул его и отпер. Оттуда достал слепец свиток, мелко исписанный.

– Было мне видение, что скоро оставлю я сей мир грешный. Для того просил я святого митрополита написать здесь мою волю последнюю. Вот-вот покинет меня память и муки телесные отнимут силу у меня... Вот для чего позвал я вас: подпишите имена свои под сей грамотой и снесите ее тот же час митрополиту – пусть и он приложит руку к ней и сохранит ее до смерти моей. Когда же скончаюсь я, пусть святой отец прочтет мою волю всенародно, и да будет она исполнена. Вы же стойте крепко за нее и поддержите моих детей малых.

– Исполним волю твою, господин и великий князь! – сказали в один голос князь и боярин.

Протянул великий князь свое завещание верным слугам. Придвинув к себе чернильницу медную, оба начертали имена свои на свитке. Князь Оболенский первым подписался, Федор Басенок вторым. А сверху оставили они место для подписи митрополита.

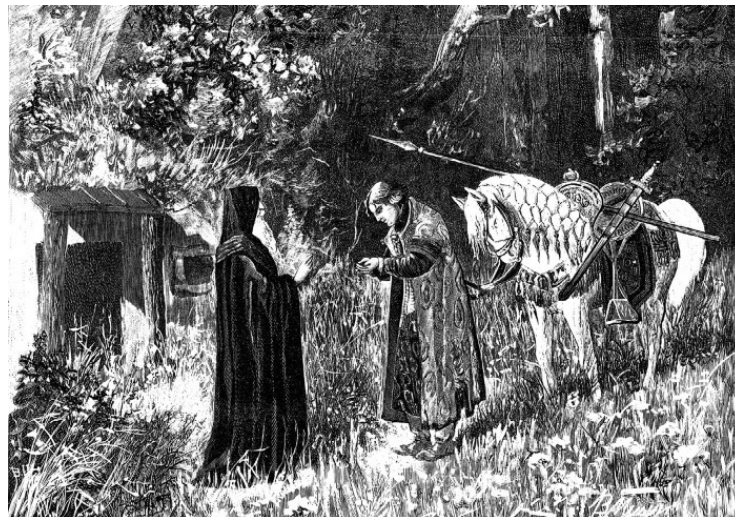
– Готово, государь! – сказал князь Оболенский.

Великий князь улыбнулся слабой улыбкой радостной, даже повязку сдвинул с глаз своих. Но ничего не увидел он: по-прежнему царила вокруг него беспросветная черная мгла.

– Спасибо вам, слуги мои верные, – молвил он. – А теперь, боярин Федор, прочти мне сии строки последние. Прочти там, где разделяю я владения свои между сынами моими...

Взял боярин грамоту и стал читать:

«А сына своего старейшего Ивана благословляю своей отчиною великим княженьем и даю ему треть в Москве и с путями с моими жеребьи, Володимером, Переяславлем, Кострома, Галич с путями и с солью, Устюг, землю Вятскую, Суздаль, Новгород, Нижний, Муром, Боровеск и Суходон да Калугу и с Олексиным. А сына своего Юрья благословляю третью в Москве княжею Володимеровскою, с сыном своим с Ондреем по половинам, а держать по годам; да Юрью же сыну придаю год в Москве княж Костянтиновской Дмитревича, Дмитров, Можаяск и с Медынью, да Серпухов, да Хотунь. А сына своего Ондreja благословляю, даю ему Углече и с Устюжною, и с Ражановым, и с Велетовым, и с Кистмою, и со всеми теми, как было за князем за Дмитрием за Шемякою, Бежицкий Верх, а у Москвы село Сущеvское, и с двory с городскими, а чем его благословила баба его, Вытeлысом, ино то его и есть. А сына своего Бориса благословляю в Москве годом княжить Ивановым-Можайского, да в городе на посаде двory около святого Егорья, каменные церкви, Марь-инские-Федоровы; да даю ему Ржеву, Волок, Рузу, да луг на реке Москве под Крутицею, да что ему дала Марья и двор свой внутри города на Москве, ино то его и есть. А сына своего Ондreja меньшого благословляю в Москве садом княжим Петровым Дмитриевича; да у Москвы село Тапинское, да Ясeневское, даю ему Вологду и с Кубеною и с Заозерьем, а княгине своей даю Ростов, до ее живота; а князя ростовские, что ведали при мне, ино по тому держат и при моей княгине, а княгиня моя у них в то не вступается. А возьмет Бог мою княгиню, и княгиня моя даст Ростов моему сыну Юрию, а он держит по тому же, как держала его мати».

Благословение

Великий князь слушал волю свою последнюю и головою кивал. От лампы падал свет на его лицо бледное, на черные незрячие впадины под бровями седыми.

– Прочти еще мне, боярин Федор, мой завет детям и ближним моим...

Отыскал боярин нужные строки и стал опять читать:

«А вы, дети мои, чтите и слушайте своего брата старейшего Ивана в мое место своего отца; а сын мой Иван держит своего брата Юрья, и свою братью меньшую, в братстве без обиды. А хто моих бояр имеет служите моей княгине, а живут в уделах детей моих, и тех бояр дети мои блюдут с единого. А хто будет моих казначеев, или хто моих дьяков прибыток мой от мене вдали, или посельских, или тиунов, или хто женился у тех, ино те все не надобны моей княгине и моим детям; а хто сию мою грамоту переступит, ино по евангельскому словеси: хто преслушается отца и матери, и заповеди их не хранит, смертью да умрет».

– Истинно христианская воля твоя, господин и великий князь! – сказал старый Стрига-Оболенский.

Но великий князь уже не слышал его. Утомился он и впал в забытие тяжелое. Перекрестились оба на икону, взяли грамоту и вышли из горницы. Князь Оболенский только промолвил старому ключнику:

– Пошли за духовником великокняжеским, за архимандритом Спасским Трифоном.

Москва – Третий Рим

Великокняжеский выбор

После завершения строительства Успенского собора великий князь Иван III продолжил преобразования Московского Кремля. Под руководством итальянских архитекторов Пьетро Солари и Марка Фрязина русские мастера вместо обветшавших белокаменных кремлевских стен возвели стены и башни из хорошо обожженного кирпича. С тех пор площадь территории Кремля почти не менялась. В самом Кремле московские мастера перестроили Благовещенский собор, который считался домовою церковью великих князей. Была возведена Грановитая палата – зал для торжественных собраний и приема послов, – получившая свое имя по отделке с внешней стороны гранитом.

К августу 1479 года в Москве стольной был готов новый чудный собор Успения Пресвятой Богородицы. Много потрудился над этой постройкой искусный зодчий венецейский Аристотель Фиораванти, что был великим князем, государем-царем Иваном III за большие деньги из чужой земли вызван. Ученый иноземец дал меру кирпича для постройки, научил каменщиков московских, как лучше растворять известь, указал кирпичникам хорошую глину за Андроньевым монастырем, чертежи составил на славу – и явился на Москве такой храм благолепный, какого москвичи, да и других городов русские люди, и не видали никогда...

Веселился великий князь Иван Васильевич, видя велелепие храма нового. За иными заботами государственными не забывал он о еще большем украшении столицы. Лучших живописцев собрали в Москву, чтобы изготовить иконы древнего письма православного, чтобы изукрасить стены, простенки и своды церковного купола. Бояре да архимандриты на свой кошт сооружали образа в окладах дорогих и челом били великому князю для храма нового.

Закладка храма.

Художник В.П. Верещагин

В праздничный день, после обедни, митрополит московский Геронтий, что к царской трапезе позван был, обрадовал великого князя хорошей восточкой.

Великий князь Иван III.
Титулярник. XVII век

– Боголюбивый царь и великий князь, – молвил он, вставая от трапезы, – молим тебя пожаловать в наши палаты митрополичы. Ко времени окончили иконописцы мои две иконы святые для храма нового. Какая тебе, государь, полюбится, ту повели в опись церковную вписать. Истоиво написаны те иконы, по образцам древнегреческим, и оклады на них не скупю сработаны. Пожалуй богомольца твоего, государь великий!..

Просияли суровые очи великого князя, от гневного взора которых трепетали бояре и воеводы. Повелел он дворецкому-боярину снарядить колымагу царскую и с собою взять соизволил двух своих братьев младших – князей Андрея и Бориса Васильевичей – да еще

ближнего боярина Вельяминова Василия Федоровича и дьяка думного Василия Далматова. Как по птичьему велению исполнился приказ великокняжеский...

Митрополит Геронтий вперед великого князя уехал, чтобы успеть встретить в палатах своих высокого гостя. В иконной избе митрополичьей, особняком стоявшей, все уж готово было: на поставах высоких сияли дорогими окладами новые иконы; дети-сироты, коих благой сердцем митрополит из милости привечал при дворе своем, вычистили, вымыли пол дощатый, приубрали краски в углы дальние... Два иконописца митрополичьих со страхом ждали судьбища государева о деле их кисти искусной. Один мирянин был, родом из новгородской пятины, звался Лукой Дорофеевым. Другой в иноческом чине состоял и кистью благочестиво славил Бога и святых, как словами молитвы горячей. Бледные стояли иконописцы.

Вошел, наконец, в избу иконную великий князь Иван Васильевич с ближними своими поспешно ступил в горницу. Схоронились за поставцы иконные послушники и отроки-сироты, что при избе на послугах были...

Иконописец.
Художник К.В. Лебедев

Уставщик и наказчик иконописцев митрополичьих, разодевшийся в ферязь алого сукна, земно поклонился великому князю и подвел потом его к первой иконе, что писана была иноком.

— Изволь воззреть, государь великий!.. Сия икона кисти инок Евфимия... Написан образ Пресвятой Богородицы с Младенцем на руках; предстоят перед Богоматерью чудотворцы ростовские, молят ее о нас, грешных... Подложена икона камкою черевчатой, оклад серебряный, золоченый, гладкий; венец жемчугом обнизан, в нем — четыре изумруда в золоте да яхонт большой лазоревый. На ризе — запоны золотые, двенадцать алмазов малых да шесть яхонтов черевчатых. Ризы у святителей серебряные, прорезные, жемчугом саженные. Застежек у образа низан жемчугом мелким по камке таусинной, каймы волоченым золотом шиты. В середине, по красной камке, выведены золотом слова святые... На краски да на кисти, на клей, киноварь и кость слоновую пошло у инок Евфимия тридцать четыре рублевика, тридцать три алтына; а на золото, серебро, камни самоцветные и жемчуг из сокровищницы митрополичьей тридцать рублей взято...

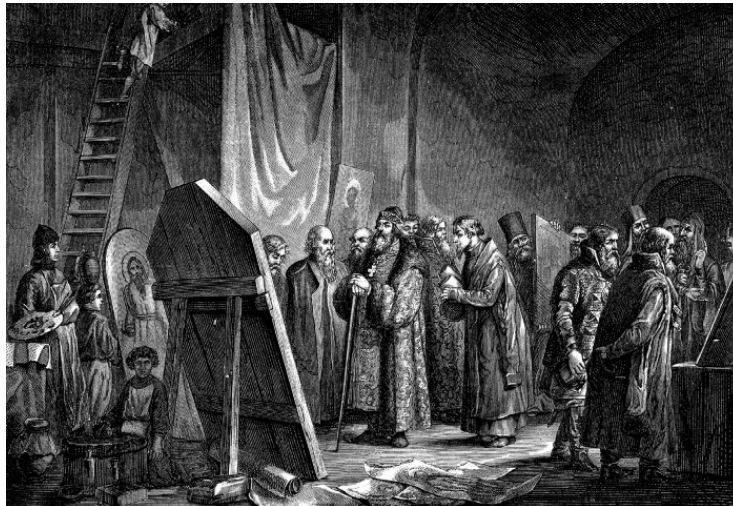
Молча слушал великий князь Иван Васильевич плавную речь уставщика; зоркими глазами глядел он на искусно писанный образ, и все милостивее и светлее становился важный, суровый лик его. Перевел царь очи на инок-иконописца, и без слов понял тот, что по душе

государю и письмо его благочестивое, и украшение иконы. Наконец вдосталь насмотрелся великий князь. Поклонился ему в пояс уставщик речистый и повел к другой иконе.

– Воззри, государь великий! Сия икона писана мирянином-иконописцем, выходцем из пятины новгородской Лукой Дорофеевым. Написал тот Лука образ Благовещения Пресвятой Богородицы по образам древних иконописцев, по чину древнему... Иждивением богомольца твоего, государь великий, благочестивого митрополита московского Геронтия, к сему образу сооружен оклад драгоценный... Венцы на иконе – сканные, серебряные, золоченые; ризы чеканного золота. На венцах и на ризах шесть изумрудов средних да малых алмазов десять. Застенок жемчугом низан, жемчугом же по срединной камке слова вышиты... Пошло у Луки Дорофеева на ту икону всякого прикладу иконописного тридцать рублевиков да четырнадцать алтын. Яри венецейской на три рублевика, восемь алтын, шесть денег; сурику на двадцать три алтына, четыре деньги; на кисти щетинные, хорьковые да беличьи – один рублевик, шесть алтын, семь денег... На золото сусальное пошло двадцать пять алтын...

Махнул рукой великий князь Иван Васильевич: нечего-де всякую деньгу пересчитывать. В пояс поклонился уставщик, оробел малость и добавил тихим голосом:

– Яхонтов да алмазов, да жемчугу, да золота, да серебра пошло из казны-кладовой митрополичьей на двести пять рублевиков.

Великий князь осматривает работы иконописцев

Так же безмолвно глядел великий князь всяя Руси и на другую икону. Ближние бояре, привыкшие к лику государеву, заметили, что сильно радостен был царь. Видно, угодил его душевке благочестивой своими иконами митрополит Геронтий. Обратил очи государь на мирянина-иконописца и ласково вымолвил:

– Изрядно, изрядно!..

Не взвидел света от радости Лука Дорофеев. А что после было, тому он поверить и не помыслил. Протянул ему царь руку свою белую для лобызания. Не всякому и боярину-то такая честь выпадала; а тут, нате-ка, иконописцу простому!..

– Изрядно! – еще повторил великий князь.

Стали тут князья и бояре хвалу за хвалой новым иконам и иконописцам искусным сыпать...

Меж тем великий князь снова по очереди обошел оба образа, любясь письмом и окладами...

– А ну, братья любезные да бояре верные, дайте-ка совет государю вашему. Любы мне обе иконы... Которую же мне для храма Успенского взять?..

Смутились князья да бояре – нелегко владыке многоумному, могучему советы давать. Помявшись, отозвались братья великокняжеские в один голос:

– Ту икону бери, государь Иван Васильевич, что инок писал... Сдается, что так святее да благочестивее будет...

Ничего не сказал им царь; на бояр очи вскинул:

– Вы что скажете, советники думные, приспешники мои?

Ближний боярин Василий Вельяминов поясной поклон государю отвесил и вымолвил степенно, тягуче:

– По моему разумению, великий государь, надобно ту икону взять, что мирянином писана... То и иным мирским людям в пример и повадку будет: начнут многие изошряться в иконописании благочестивом, и благо будет для веры православной...

Словно усмешка легкая тронула уста великого князя.

– Ты что скажешь, дьяк мой думный?

– Взять бы тебе, государь великий, ту икону, что инок писал. Обе иконы истовы, обе с благочестием писаны. А только в этой оклад ценнее будет, и через то новому храму блеску и богатства прибавит.

Не таясь уже, усмехнулся великий князь на речь Далматова.

– Каков твой совет, отче митрополит?..

– Мой совет, государь великий князь – взять тебе обе иконы, благо полюбились. Не оскудеет казна митрополичья от жертвы на храм Божий. Обе иконы прими от богомольца твоего, государь... Крепко о том молю!..

Просветлел лицом царь.

– Благой пример подал ты всем, отче митрополит. С благоговением приемлю дар твой, щедроту твою, для благолепия храма нового... Благослови меня, отче...

Приняв благословение митрополичье и выходя из избы, великий князь молвил боярину Вельяминову:

– Иконописцам по гривне серебряной да по сукну аглицкому выдать вели.

Стояние на Угре

Отступление Ахмата произошло 11 ноября 1480 года. Летописцы объясняли это морозами и стужей: «Были же татары наги и босы, ободрались». По существу, наступил конец Большой Орде. Ахмат вскоре был убит ногайским ханом Иваком. Сын Ахмата, хан Муртоза, признал суверенитет Руси и обращался к Ивану III как к равноправному правителю.

Прошло сто лет с победы Дмитрия Донского над ханом Мамаем на Куликовом поле, но татарское иго все еще продолжало тяготеть над Русью. Нередко в Москву приезжали ханские послы за данью. При въезде посла в Кремль великий князь выходил к нему навстречу, с низким поклоном подносил кубок с кумысом и, стоя на коленях с непокрытой головой, выслушивал ханскую грамоту. Но все чаще князья, затаив в душе горькую обиду, сказывались больными, чтобы избавиться себя от унижения.

Иван III и татарские послы.
Художник К.Е. Маковский

Особенно часто так поступал великий князь Иван III, в руках которого уже собрались почти все русские земли. После женитьбы на греческой царевне Софье он твердо решил сбросить позорное иго. Жена то и дело ему говорила: «Отец мой и я захотели лучше своей отчизны лишиться, чем платить дань турецкому султану». Она гордо заявляла, что не хочет с детьми быть данниками степной Орды, и спрашивала мужа: «Разве у тебя мало войска? Зачем слушаешься рабов своих и не хочешь постоять за свою честь и веру святую?» Эти слова заставляли задуматься гордого московского князя.

В Золотой Орде в это время происходили непрерывные смуты. От нее отделилось Крымское ханство, установившее дружеские отношения с Москвою. Иван III уже девять

лет не платил дани, и хан Ахмат отправил в Москву грозное предостережение. Но московский князь растоптал ногами грамоту с ханской печатью, умертвил его послов и пригрозил Ахмату, что поступит и с ним так же, если он не оставит в покое Московское государство.

Ахмат не смог стерпеть позорного оскорбления и решил проучить «непокорного раба», напомнить русским о временах Батые. Он рассчитывал на помощь польского короля Казимира, непримиримого врага Москвы.

Летом 1480 года татарские полчища двинулись в поход. Но по Оке, по всей южной степной границе Московского государства уже с ранней весны стояли русские войска. Ахмат думал под Калугой соединиться с Казимиром и вместе нагрянуть на Русь, переправившись через реку Угру. Казимир не сдержал слова и не пришел – ему пришлось защищать свои владения от крымского хана Менгли-Гирея. На Угре татары встретили сильное войско под начальством князя холмского. Несколько месяцев простояли противники, не вступая в битву. Хан дожидался зимы, когда реки покроются льдом и станут хорошими дорогами на Русь.

Иван III приказал готовить Москву к осаде. Боясь за жену и детей, он отправил их далеко на север, а сам с небольшим отрядом двинулся к Угре.

В Москве с нетерпением ждали вестей о победе, но время шло, а битва не начиналась. Вдруг москвичи, к своему ужасу, увидели, что великий князь возвращается в столицу, и решили, что все кончено и татары уже близко. Народ заволновался, обступил Ивана III, в толпе переговаривались: «Государь оставляет войско, робеет, спасает только себя и детей, не смеет выступить против врага». Великий князь оправдывался, что приехал посоветоваться с матерью, боярами и духовенством.

Дьяк на докладе у великого князя.

Художник В. Виктор

«Теперь не время советоваться, – говорили в народе, – а надо сражаться. Раньше ты с нас собирал дань, но не отдавал ее хану, а теперь сам же разгневал его и выдаешь нас татарам».

Особенно сильно негодовал старый ростовский епископ Вассиан. Он называл великого князя бегуном и восклицал: «Дай мне, старику, войско, увидишь, уклоню ли я лицо свое перед татарами!»

Волнение в народе было так сильно, что Иван III не решился даже оставаться в Кремле и перебрался на житье в подмосковное Красное село. Но вскоре он решился вернуться к войску. К хану было отправлено посольство для переговоров, но Ахмат гордо заявил: «Пусть сам Иван придет бить челом, как отцы его к нашим отцам ездили в Орду».

Иван не пошел на новое унижение, прервал переговоры, однако и в битву вступать не решался. Трусливые шептуны убеждали князя отступить от Угры, боясь, что с наступлением морозов татары по льду переберутся через реку. Войску велено было отступать к Боровску. Но и Ахмат был охвачен страхом, он думал, что притворным отступлением им готовят засаду. К тому же его войска успели обноситься, их одежка не могла выдержать русской зимы, и помощи было ждать неоткуда. Татары решили отступить, что более походило на бегство. Всем стало ясно, что ослабела некогда грозная Золотая Орда. На обратном пути Ахмат был убит одним из татарских князьков, с его смертью Орда окончательно распалась и перестало существовать иго, тяготевшее над Русью в течение двух с лишним веков.

Первая коронация

Старший сын Ивана III Иван Молодой командовал русскими войсками на реке Угре и не дал переправиться хану Ахмату на другой берег. Но в 1490 году Иван Молодой неожиданно умер. Младшему сыну Василию в это время было одиннадцать лет, многие думали, что именно его великий князь объявит наследником. Но Иван III очень любил старшего сына и короновал в 1498 году своего внука Дмитрия, сына Ивана Молодого. Год спустя он разгневался на мать Дмитрия Ивановича, и в 1500 году наследником был назван Василий.

Кругом Кремля раскинулись улицы торгового города, посада, тянулись ремесленные слободы, а дальше шли подмосковные села Зубово, Кудрино и другие. Каменные здания строились лишь в Кремле, но и здесь преобладали деревянные хоромы, в которых жили не только бояре, но и сам великий князь.

Посол Иван Фрязин вручает Ивану III портрет его невесты Софьи Палеолог.
Художник В.В. Муйжель

Город к концу XV века очень изменился. Над кривыми улицами и улочками поднялись к небу новые каменные Спасская и Боровицкая башни, выстроенные приезжими итальянцами. Вместо развалившегося Успенского собора выстроили новый каменный, выросла Грановитая палата с гранеными стенами, как у дворцов флорентийской знати. Начали строить и для великого князя каменные хоромы, но пожар во время сильной бури истребил чуть ли не весь город. Дабы избежать новых пожаров, многие деревянные избы перенесли из Кремля за его пределы, и впредь на его территории, как и вблизи Кремлевской стены, разрешили возводить только каменные постройки. За Москвой-рекой, против Кремля разбили сад, позже названный «Царицын луг».

Новшества стали появляться с приездом в Москву наследницы цареградских кесарей Софьи Палеолог, ставшей супругой великого князя Ивана III. Вместе с ней прибыло множество греков и итальянцев, которые потеснили у московского трона старозаветных бояр.

Бояре возненавидели греческую царевну, оговаривали ее перед мужем, и великий князь все более отдалял от себя супругу, а тринадцатилетнего сына Василия посадил под стражу. Бояре торжествовали: все опять пойдет по-старому, как повелось от предков.

Великая княгиня Софья Фоминична сидела у себя в тереме, не смея показываться на глаза супругу, а бояре готовились пышно отпраздновать свою победу. По их наущению 4 февраля 1498 года великий князь должен был объявить своим наследником и торжественно венчать на царство внука Дмитрия от рано умершего своего старшего сына Ивана Молодого.

Много толков на Москве ходило по случаю предстоящего торжества. Говорили, как выросла и окрепла за последние годы власть московского государя. За тридцать лет княжения Ивана Васильевича его владения увеличились в несколько раз, даже мятежный Новгород покорился ему, а их вечевой колокол давно висит на одной из московских колоколен. Игу татарскому после противостояния на Угре пришел конец. А самого великого князя все чаще называют по-новому – царем и самодержцем, как в старые годы именовали только цареградских императоров.

Многих занимал обряд венчания на царство, неизвестный дотоле в Москве. Греки-монахи с Афона, хорошо знавшие, как подобное торжество происходило в Царьграде, охотно рассказывали о нем. Отыскивали в великокняжеских закромах присланные в разное время из Византии шапку Мономаха, трон из слоновой кости, герб в виде двуглавого орла. Поговаривали, что недаром великий князь женился на дочери последнего византийского императора, теперь он сам стал царем, а Москва – все равно что новый Рим. Первый Рим покорил себе все народы, но осквернился латинской ересью, вторым был Царьград, но пал под натиском магометанской веры, ныне Москва стала третьим Римом, и четвертому не бывать.

Иван III с митрополитом и дочерью Еленой
Художник В.В. Муйжель

Четвертого февраля москвичи стекались в Кремль посмотреть на первую коронацию на Руси. В Успенском соборе воздвигли дощатое возвышение и на нем три стула – для великого князя, его внука Дмитрия и митрополита Симона. Рядом поставили налож и на него положили шапку Мономаха и бармы. Все духовенство – митрополит, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены – в священных облачениях ожидал начала церемонии. Когда в назначенное время в храм вошел великий князь с внуком, дьяки по обычаю пропели многолетие Ивану Васильевичу, и духовенство отслужило молебен Пресвятой Богородице и московскому чудотворцу Петру.

– Отче митрополит, – обратился великий князь к владыке Симону, – Божьим соизволением отцы наши, великие князья, сынам своим первым давали великое княжение. Так повелось от прародителей наших. И отец мой меня благословил великим княжеством. И я своего сына первого Ивана благословил великим княжением. По Божьей воле сына моего Ивана не стало, а у него остался сын первый, Дмитрий, и я его ныне благословляю после себя великим княжеством управлять. И ты его, отче, благослови.

Митрополит велел Дмитрию взойти на возвышение, где стоял сам рядом с Иваном III, и благословил его крестом. Дьяконы прочитали положенные молитвы, Дмитрий преклонил главу, и великий князь возложил шапку Мономаха и бармы на внука. Все, присутствовавшие в соборе поклонились обоим великим князьям и поздравили их.

– Господин и великий князь Дмитрий, – поучал митрополит отрока, – имей страх Божий в сердце твоём, люби правду, и милость, и суд правый. Имей послушание к своему государю-деду и попечение от всего сердца обо всем православном христианстве. А мы тебя, господина и сына своего, благословляем и Бога молим о твоём здравии.

Но недолго пришлось Дмитрию носить новый титул. Прошло меньше года, как Софья Фоминична вернула себе место в сердце великого князя. С сына Василия сняли опалу и провозгласили его государем Новгорода и Пскова, наследником отца. Многим боярам, клеветавшим на великую княгиню, отрубили головы. Первого венчанного на царство московского князя Дмитрия посадили «в камень», то есть в каменную темницу. Еще тяжелее пришлось ему, когда по смерти Ивана III великим князем стал Василий III. Дмитрия заковали в цепи, и он умер «в нужде и тюрьме, не увидев более свободы, в 1509 году». Тело его, впрочем, было погребено в Архангельском соборе, где похоронены первые московские государи.

Кончина Василия III

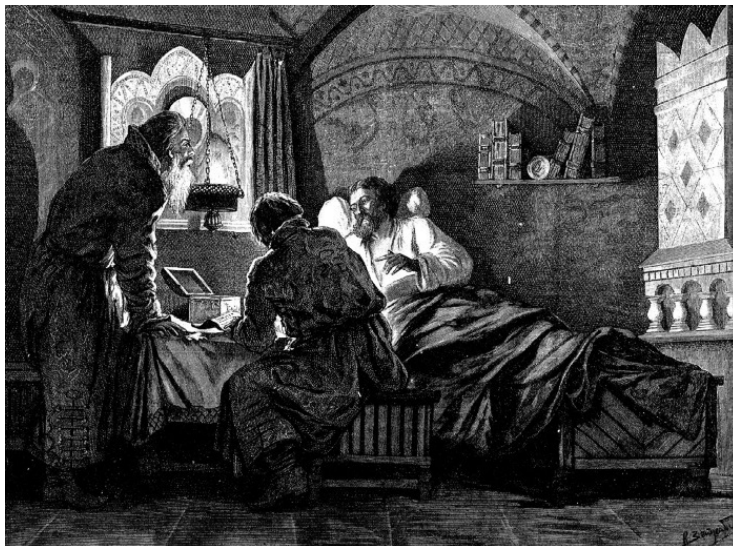
От брака с Соломонией Сабуровой у Василия III не было детей. Тогда он совершил невиданное прежде: насильно постриг жену в монашество, а себе выбрал новую супругу – княжну Елену Глинскую. Вместе с молодой женой он объезжал монастыри, где молился о даровании ему наследника. Наконец он появился. Василию же оставалось жить всего три года.

В сентябре 1533 года великий князь, побывав в Троице-Сергиевой обители, поехал со своей семьей в Волоколамск, чтобы там «тешиться осенней охотой». В дороге на левой ноге у государя появился небольшой, но злокачественный нарыв. Несмотря на это, после Покрова великий князь был в Волоколамске на пиру своего любимца Шигоны Поджогина и, не утерпев, поехал с собаками и ловчими в поле. Но с охоты в Волоколамск его принесли дети боярские на носилках. Вызванные из Москвы придворные врачи немец Николай Булев и Феофил прикладывали к нарыву пшеничную муку с медом и луком и какую-то мазь, от которой пошел гной. Больному становилось хуже, и он делал предсмертные распоряжения. Дьяк Меньшой Путятин со стряпчим Мансуровым привезли прежнюю духовную государя, которая по его распоряжению была сожжена. Все это было сделано тайком от братьев государевых и бояр.

Начали составлять новую духовную. Посоветовавшись со своими любимцами, Василий III призвал в послухи, или в свидетели, находившихся при нем князей: Бельского, Шуйского, Глинского, Кубенского и Шигону. Из Москвы вызвали еще Михаила Юрьевича Захарьина-Кошкина. Государь хотел умереть в Москве, но заехал в Иосифов монастырь, где, лежа на одре, слушал литургию. Подле него стояли великая княгиня с детьми, проливая слезы.

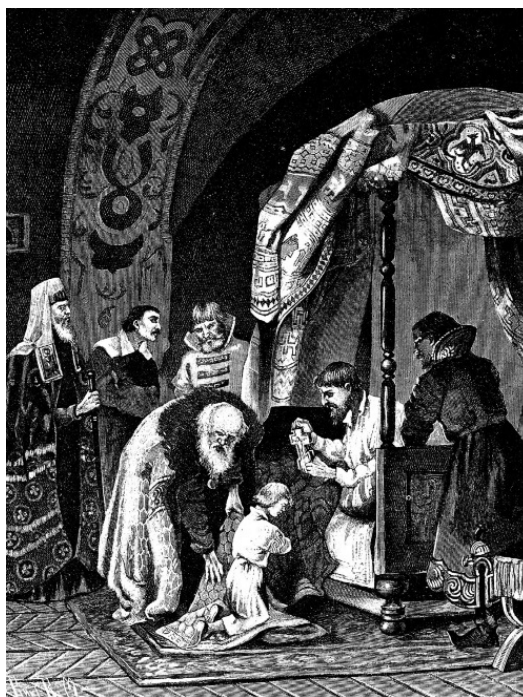
В Москву больного, уже недвижимого, везли в каптане, или возке, и в нем переворачивали его князья Палецкой и Шкурлятов. В селе Воробьево, куда явились митрополит и бояре, была двухдневная остановка. Против Новодевичьего монастыря навели через реку мост. Но четверка лошадей, везшая возок, провалилась. Дети боярские подхватили возок и обрезали гужи у оглобель. Государь покручинился на городничих (Волынского и Хохрикова), переправился под Дорогомиловым на пароме и въехал в Кремль рано утром, чтобы не оглашалось его безнадежное состояние.

Окончив духовное завещание и открыв митрополиту и своему духовнику желание постричься в монахи и принять схиму, государь обратился со следующими словами к боярам: «Ведаете сами, от великого князя Владимира Киевского ведется наше государство Владимирское, Новгородское и Московское. И вы, братие, постойте крепко, чтобы мой сын учинился на государстве государем. Была бы в земле правда, и в вас бы розни не было бы никакой. Да приказываю вам Михаила Львовича Глинского, он человек к нам приезжий, но вы не называйте его приезжим, а держите за здешнего уроженца, зане он мой прямой слуга. И были бы вы все сообща, земское дело и дела сына моего зело берегли и делали за один. А ты бы, князь Михайло Глинский, за моего сына князя Ивана, за мою великую княгиню Елену и за моего сына князя Юрия, кровь свою проливал и тело свое на раздробление дал».

Василий III диктует свое духовное завещание.
Художник В. Зейденберг

Третьего декабря умирающий государь вторично причастился Святых Тайн и назначил правительницей государства жену Елену. Летописец изображает трогательное прощание государя с трехлетним сыном Иваном, которого принесли на руках, и с великой княгиней, которую держали под руки, а она вопила и билась. Ивана он благословил на государство крестом Петра-чудотворца, коим благословлен был Иван Калита. Отпуская сына, государь сказал его няне, боярыне Челядниной: «Смотри, Аграфена, от сына моего Ивана не отступи ни пяди». Затем Василий благословил и годовалого сына Юрия.

Василий III благословляет своего сына Ивана
Художник В.В. Муйжель

Чувствуя приближение смерти, великий князь приказал митрополиту начать постриг и посвящение в схиму. Тут вдруг выступили брат его Андрей, Михайло Воронцов и сам Шигона с возражениями, что Владимир Киевский не чернецом умер, а сподобился быть праведным, и другие князья также. Поднялся спор. Но умирающий, лишившийся уже языка и рук, взором просил пострига. Митрополит совершил пострижение, возложил на него парамонатку, ряску, мантию, наконец, схиму и Евангелие на грудь и нарек его иноческим именем Варлаам. «Царственная книга» говорит: «Стоящи же близ него Шигона, как положили Евангелие на грудех, вид дух его отшедший, аки дымец мал».

Дворец огласился рыданием. Митрополит тотчас стал приводить находившихся во дворце к присяге, а иноки Троицкого и Иосифова монастырей, отослав стряпчих, овладели телом великого князя и стали готовить его к погребению.

Последние Рюриковичи на троне

Два временщика

При правлении Елены Глинской под наблюдением зодчего Петрока Малого были выстроены каменные стены по земляному валу Китай-города, частично сохранившиеся до наших дней. Также была проведена на Руси денежная реформа, благодаря которой деньги во всей стране стали одинаковыми, и чеканились монеты исключительно в Москве, на основанных великой княгиней первых государственных монетных дворах. На московских монетах изображали святого Георгия Победоносца с копьем в руке. Отсюда и родилось слово «копейка».

В просторной, разубранной с причудливой восточно-азиатской роскошью боковой Крылечной пристройке недавно возведенного царского дворца в Московском Кремле под вечер весеннего дня, в начале апреля 1538 года, не громко, но с большим оживлением беседовали между собою двое бояр: один – пожилой, другой – молодой и очень красивый.

Молодой красавец был сильно набелен и нарумянен, как того требовала своеобразная мода, господствовавшая на Москве в те времена, но борода и усы его были сняты, что уже являлось и новшеством, и редкостью. Он говорил горячо, порывисто, даже страстно, словно стремясь как можно скорее высказать свои мысли, соображения и услышать одобрение или порицание. Пожилой боярин, с тонкими, указывавшими на родовитость, чертами лица, слушал его ни то чтобы без внимания, но несколько небрежно, то снисходительно улыбаясь, то вставляя в пылкую речь своего собеседника односложные, ровно ничего не выражавшие замечания.

Молодой боярин был знаменитый временщик князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский, любимец вдовой царицы Елены; его собеседник – сподвижник покойного царя Василия Ивановича в делах и войны, и правления князь Василий Васильевич Шуйский, муж большого государственного ума и многолетнего опыта.

Московский Кремль.
Художник В.П. Овсяников

– Уж больно спешите-то вы, князь Иван Федорович, – с легкой усмешкой произнес он, воспользовавшись тем, что Телепнев-Оболенский на мгновение прервал свою речь.

– Как спешим? – так и вспыхнул тот, услышав замечание Шуйского.

– Да так. Не ко времени новшества заводите. Нестроение на Руси великое, царь-то наш Иван Васильевич только-только из пеленок выбрался, а вы его именем такие дела вершите, какие народу нашему ой как не по сердцу.

– Не по сердцу! – с гневом воскликнул, ударяя кулаком по столу, Телепнев-Оболенский. – Не по сердцу, сказал ты, князь Василий Васильевич? Спасибо на слове прямом, неувертливом... Редки такие слова у вас, бояр-то!

– Метки зато слова-то эти у нас, – вставил замечание Шуйский, – по поднебесью не летают, а вниз, на грешную землю, к самой сути тянутся.

Телепнев-Оболенский нахмурился.

– Пусть так пока будет, князь Василий Васильевич, – произнес он, – куда опытнее ты меня в делах царских и советом мудр...

– Куда уж нам, воронам, с ясными соколами тягаться, – с явной иронией, но в то же время и с наружной скромностью произнес Шуйский.

– Оставь препирательства! – остановил его князь Иван. – Ты мудр опытом, годами зрел, научи же меня, малого, неразумного: что мы такого худого для народа и Руси с царицею делаем? В чем вина наша пред православными? А, в чем?

– Да на себя взгляни, – усмехнулся Шуйский. – Ишь ведь, оскоблился как... Поглядеть – ни мужик, ни баба...

– Пустое говоришь, князь, – перебил его Телепнев, – и обидно, что сам знаешь, какие пустяки мелешь... Князь-просветитель Владимир Красное Солнышко без бороды и усов был, а к лику святых причтен, равноапостольным величается... Давно, скажешь ты, было это, былшем поросло. Так я тебе еще напомним: покойный царь Василий Иванович разве не снял бороды да усов? А?

– Так ведь ты, князь Иван Федорович, – и зло, и добродушно в одно и то же время усмехнулся Шуйский, – не святой и не царь, поди...

Телепнев смешался.

– Их примеру следую! – пробормотал он.

– А ты не следуй... Орлы, вон, в поднебесье парят, на солнце, не мигая, смотрят. Так то орлы, а не... – Шуйский оборвал фразу на полуслове и продолжил: – Прости, Ваня, ежели не ласково молвил, люблю я тебя, затем и говорю... Залетел-то ты высоко, чую я, дух у тебя на твоей высоте захватывает, голова кружится, а под ногами-то у тебя пропасть бездонная, и ты ее не видишь... О, сверзишься! Ой как сверзишься!.. И жалко мне тебя, Ваня, будет. Ты вот спросил меня, что вы такого с царицею худого творите... Так хочешь, я скажу тебе, а?

– Скажи, – глухо проговорил Иван Федорович, – от тебя все выслушаю...

– Ладно, не сердись только. Что худого вы с царицей делаете? – спрашиваешь меня, так вот я и отвечу, по совести отвечу, как перед истинным...

Шуйский взглянул в застенок в передний угол, уставленный весь образами, прикрытыми убрusцами с дорогими пеленами.

– Ничего вы с царицею Еленою Васильевною худого не делаете, – проговорил он, – одно только хорошее, разумное, народу полезное...

– Ты насмехаешься, что ли, надо мною, князь Василий Васильевич! – так и загорелся гневом Телепнев. – Ой поостерегись... Могу позабыть я и дружбу нашу...

– Ой молодо-зелено! В чем дело – не знает, а уже во все стороны так и пылит! – совершенно покойно заметил ему Василий Васильевич. – Не смеюсь я, а дело говорю. Слушай! Вы вон Средний город поставили, каменную стену о четырех башнях вывели...

– По слову царя покойного, – перебил Шуйского Телепнев. – Он задумал от Неглинной вокруг Купеческого посада да Судного дворца на Троицкой площади стену построить и Васильевский луг в нее включить...

Помилование князя Василия Шуйского перед казнью.
Художник А.Е. Земцов

– Знаю я про это, – возразил Василий Васильевич, – и бояре знают; мы-то, кто к престолу близок, всё знаем и видим... Вот еще, – много ли времени со дня блаженной кончины государя-царя прошло, а вы уже из Литвы триста семей на государево слово выехавших поселили.

– Опять цареве дело продолжается, и новшества нет никакого...

– Верно! – согласился Шуйский. – И от второй стены вокруг Кремля, и от литовских выселенцев только польза для царства великая, да больно спешите вы с этою пользою, не даете уразуметь ее народу... Гомонит он и на улицах, и на площадях, и в кружалах, что стену новую около храмов Божьих чужак Петрок Малый Фрязин ставил; так не будет на его дело Господнего благословения.

– Перекрестился Петрок-то, православным стал.

– А кто знает? Народ-то о новокрещенце и не ведает. Папист он, не православный – вот это помнят. Ишь мои доверенные по Москве шныряют, так все мне доносят, где какая муха жужжит. Про литовских выселенцев говорят, будто царица Елена Васильевна своих земляков себе в охрану и на подмогу против народа русского выводит... Не забыли ведь на Москве, князь Иван Федорович, – перегнулся к Телепневу-Оболенскому Шуйский и заговорил совсем тихим шепотом, – не забыли, что русскую жену, царицу Соломонию несчастную, царь в монастырь отослал на великое страдание. Никто, кроме нас, ближних людей, не видал, как царь Василий Иванович горячими слезами заливался, бесплодную жену отсылая, а все, людишки ничтожные, твердят, что непраздную царица Соломония в Суздаль отправлена, все говорят, что угрозами да побоями о дитяти будущем замолчать заставили...

Василий III вводит во дворец свою невесту Елену Глинскую.

Художник К.В. Лебедев

А когда покойный Василий Иванович на место Соломонии литвинянку, дочку литовского изменника, поставил, о как сильно заговорили! Да, любит народ русский царей своих... Государь для него – что солнце на небе! Не поговорили даже, друг другу пошушукались только, да на том и покончилось, а когда литовчанка царю сына первого, Ивана-наследника, принесла да и второй, Юрий, за ним явился, так и Соломонию забыли. А вот умер царь, так вы и напомнили народу обо всем, что он на вас насчитывал... И теперь всякое ваше добро для себя злом дьявольским почитает. Вы Средний-то город новый «Китаем» назвали, а народ на Москве кричит, что вы татар в нем посадите.

– Глуп твой народ! – воскликнул вне себя от гнева Телепнев. – Показать ему батожье – вот все и замолчат.

– Не глуп, а темен, как дитя малое, неразумен, – поправил его Шуйский. – А вы с Еленой Васильевной вразрез с ним идете, да его же дурные мысли подтверждаете.

– Это еще чем? – грубо спросил Иван Федорович.

– А вот хоть тем. Народ кричит, что вы в Китай-город татар насаждаете. А вы Шиг-Алея Казанского, которого покойный царь за измену Москве на Белом озере со всей его семейкой заточил, на Москву привезли, милостями осыпали, на Кучумовское царство поставили. Вот народ темный и видит, что как ему смутьяны твердят, так и на деле выходит.

– Слушай, князь Василий Васильевич, – едва сдерживая гнев, заговорил Телепнев-Оболенский, – говори то, что я сейчас слышал, кто другой, а не ты, быть бы ему в узилище... А ты... ты... ты просто рехнулся. Ведь сам ты был, когда Шиг-Алей пред светлые царские очи был впущен. Бок о бок мы с тобою стояли, когда могущественный хан Казанский, земли Русской свирепый разоритель, пред нашим царем-мало-летком во прах пал, сапожки его целовал, щенком себя смердящим и холопом назвал. Это ли не возвеличило Русь! Это ли не торжество Москвы было!.. Враг древний сокрушен и уничижен, против Сафы-Гирея Крымского, что Казанью завладел, любимый казанцами хан поставлен. Так что ж ты, старый, брешешь? Что меня негодниками московскими пугаешь? Ну, говори, что они там, по-твоему, за мной да за Еленой Васильевной считают? Много я слушал, дай еще послушаю напоследях...

– Напоследях! – прищурился Шуйский.

– Да... Много слушал я и много выслушал. Больше не хочу! А длинные языки есть, кому на Москве укорачивать...

Шуйский, несмотря на угрозы, оставался спокойным.

– Когда Шиг-Алей Казанский от порога через покой весь к ногам царя нашего Ивана Васильевича полз, – проговорил он, – это куда как хорошо было. Да опять я скажу: ты князь, да я, князь, при том были, и еще царица Елена Васильевна, да еще княгиня Анастасия, да Елена Ивановна, жена Челеднина, да Аграфена Васильевна, да из бояр немногие. А народ ханского унижения не видал...

Шуйский остановился и стал к чему-то прислушиваться. Вошедший в это мгновение дворцовый слуга с низкими поклонами сперва Телепневу, а потом уж и Шуйскому подал последнему запечатанную восковой печатью грамоту.

Шуйский взглянул только на нее.

– Позвал бы ты, князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский, – сказал он, – стражу. Обмолвился ты, что напоследях мы говорим, так вот и я обмолвлюсь. Никогда не простит и не забудет народ православный тебе, щенку, да Еленке.

– Как! – заревел Телепнев, вскакивая и хватаясь за нож.

– А так, не простит, говорю, народ-то, что на чужеземный лад вы зажили. Что на Литве да у ляхов водится, то на Москве у русских грех смертный...

– Эй, гей! – неистово крикнул князь Иван. – Стражу сюда!

Но прежде чем явилась стража, в покой ворвалась средних лет боярыня с перекошенным от ужаса лицом.

Это была сестра всемогущего временщика, воспитательница царя Ивана, боярыня Аграфена Челеднина.

– Государь, мой братец милостивый! – неистово завопила она. – Закатилось солнце красное! Извели злые вороги... Померла в единую минуточку царица Елена Васильевна!

Она ударилась об пол, мотаясь в порыве отчаяния. Телепнев стоял остоленелый. Вбежало несколько дворцовых стражников.

– Взять их за приставы, – указал на брата и сестру Шуйский.

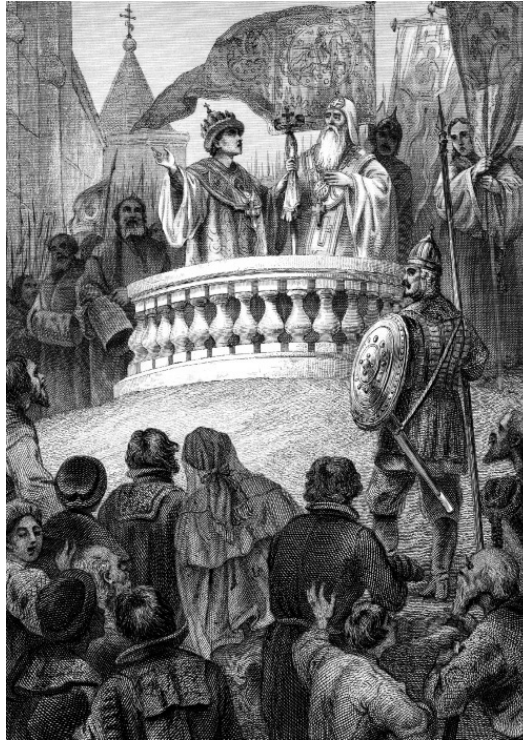
Скоропостижно скончавшаяся царица-вдова Елена Васильевна Глинская в день своей смерти была похоронена в Вознесенском монастыре. Историк говорит, что бояре и народ не изъявили даже притворной горести. Нигде не сказано, чтобы усопшую отпевал митрополит. Князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский спустя немного времени умер в темнице от недостатка пищи и тяжести оков. Сестра его Аграфена Челеднина была сослана в Каргополь. Князь Василий Шуйский за малолетством царя Ивана стал правителем государства и закончил все то, что пылко, но с излишней быстротой начали Елена и несчастный Телепнев.

Победа над Казанью

«Казанское взятие» явилось событием огромной важности. Впервые Москва присоединила к себе целое государство, населенное народами, чуждыми русским и по языку, и по вере. Так был сделан первый шаг к созданию Российской империи. Следствием присоединения Казани стало и продвижение России в Сибирь. В 1556 году в состав России вошло Астраханское ханство. Территория государства увеличилась почти в полтора раза.

В конце октября 1552 года Иван IV Васильевич Грозный с великой победой возвращался в столицу – впервые в состав России вошло не удельное княжество, а целое государство – Казанское ханство. Торжественная встреча царя описана в Никоновской летописи:

«И отправился государь к Москве, и ночевал в селе своем, в Тайнинском, и встретил его тут брат его, князь Юрий Васильевич, и бояре государевы, которые в Москве были... И пришел государь к царствующему граду Москве, и встречало государя множество народа – такое множество, что и поле не вмещало их: от реки Яузы и до Посада, и до самого Кремля по обе стороны дороги бесчисленное множество народа стояло, старые и молодые, и восклицали громкими голосами, так что ничего не было слышно, кроме: «Многие лета царю благочестивому, победителю варваров, избавителю христиан!» И встретил благочестивого царя и государя митрополит Макарий с крестами и с чудотворными иконами, с архиепископами и с епископами и со всем священническим чином у Сретения. И подошел государь к чудотворным иконам, и, перекрестившись, принял благословение от отца своего и богомольца митрополита Макария и от всего освященного собора. И Макарий, митрополит всея Руси, со всем собором и со всем православным народом падают пред царем на землю и от радости сердечной слезы проливают. И тут благочестивый царь переменял свою воинскую одежду, и облачился в царское одеяние, повесил на шею и на грудь свою животворящий крест, а на голову свою шапку Мономахову, то есть венец царский, а на плечи – диадему. И пошел пешим вслед за крестами и за чудотворными иконами с митрополитом в град, и пришел в соборную апостольскую церковь Пречистой Богородицы честного Ее Успения, и припал с любовью к чудотворному образу Богородицы, который написал Божественный апостол евангелист Лука, и к многоцелебным мощам Петра, чудотворца и Ионы-чудотворца, и много молитв благодарственных со слезами изрек...»

Речь Ивана IV на Лобном месте в 1550 году.
Художник А.И. Шарлеман

Покорение Казани.
Художник Г.И. Угрюмов

Памятником Казанской победы стал возведенный на Красной площади Покровский собор «что на Рву», ныне более известный как храм Василия Блаженного (назван так по одному из приделов собора – во имя блаженного Василия, Христа ради юродивого). Пер-

воначально на этом месте заложили деревянную Троицкую церковь, рядом с ней 1 октября 1554 года освятили Покровскую церковь (взятие Казани пришлось на 1 октября – праздник Покрова Пресвятой Богородицы). Название «на рву» связано с тем, что через всю площадь, вдоль кремлевской стены, шел глубокий и широкий ров. Его засыпали в 1813 году. В 1552 году у стен Троицкого храма похоронили известного московского юродивого Василия Блаженного.

Красная площадь с Покровским собором (храмом Василия Блаженного).
Художник К.О. Брож

В 1555–1559 годы возвели уже каменный собор, существующий и поныне. Его создатели – русские мастера Посник и Барма (может быть, оба имени принадлежат одному человеку). По преданию, зодчих после постройки собора ослепили. Их судьбе посвятил свою поэму «Зодчие» Дмитрий Кедрин.

Государь приказал.
И в субботу на Вербной неделе,
Покрестясь на восход,
Ремешками схватив волоса,
Государевы зодчие
Фартуки наспех надели,
На широких плечах
Кирпичи понесли на леса.

Мастера выплетали
Узоры из каменных кружев,
Выводили столбы
И, работой своею горды,
Купол золотом жгли,
Кровли крыли лазурью снаружи
И в свинцовые рамы
Вставляли чешуйки слюды.

И уже потянулись
Стрельчатые башенки кверху.
Переходы,
Балкончики,

Луковки да купола.
И дивились ученые люди,
Зане эта церковь
Краше вилл италийских
И пагод индийских была!

Был диковинный храм
Богомазами весь размалеван,
В алтаре,
И при входах,
И в царском притворе самом.
Живописной артелью
Монаха Андрея Рублева
Изукрашен зело
Византийским суровым письмом...

А в ногах у постройки
Торговая площадь жужжала,
Торовато кричала купцам:
«Покажи, чем живешь!»
Ночью подлый народ
До креста пропивался в кружалах,
А утрами истошно вопил,
Становясь на правез.

Тать, засеченный плетью,
У плахи лежал бездыханно,
Прямо в небо уставя
Очесок седой бороды,
И в московской неволе
Томились татарские ханы,
Посланцы Золотой,
Переметчики Черной Орды.

А над всем этим срамом
Та церковь была —
Как невеста!
И с рогожкой своей,
С бирюзовым колечком во рту, —
Непотребная девка
Стояла у Лобного места
И, дивясь,
Как на сказку,
Глядела на ту красоту...

А как храм освятили,
То с посохом,
В шапке монашьей,
Обошел его царь —

От подвалов и служб
До креста.
И, окинувши взором
Его узорчатые башни,
«Лепота!» – молвил царь.
И ответили все: «Лепота!»

И спросил благодетель:
«А можете ль сделать пригожей,
Благолепнее этого храма
Другой, говорю?»
И, потрянув волосами,
Ответили зодчие:
«Можем!
Прикажи, государь!»
И ударились в ноги царю.

И тогда государь
Повелел ослепить этих зодчих,
Чтоб в земле его
Церковь
Стояла одна такова,
Чтобы в Суздальских землях
И в землях Рязанских
И прочих
Не поставили лучшего храма,
Чем храм Покрова!

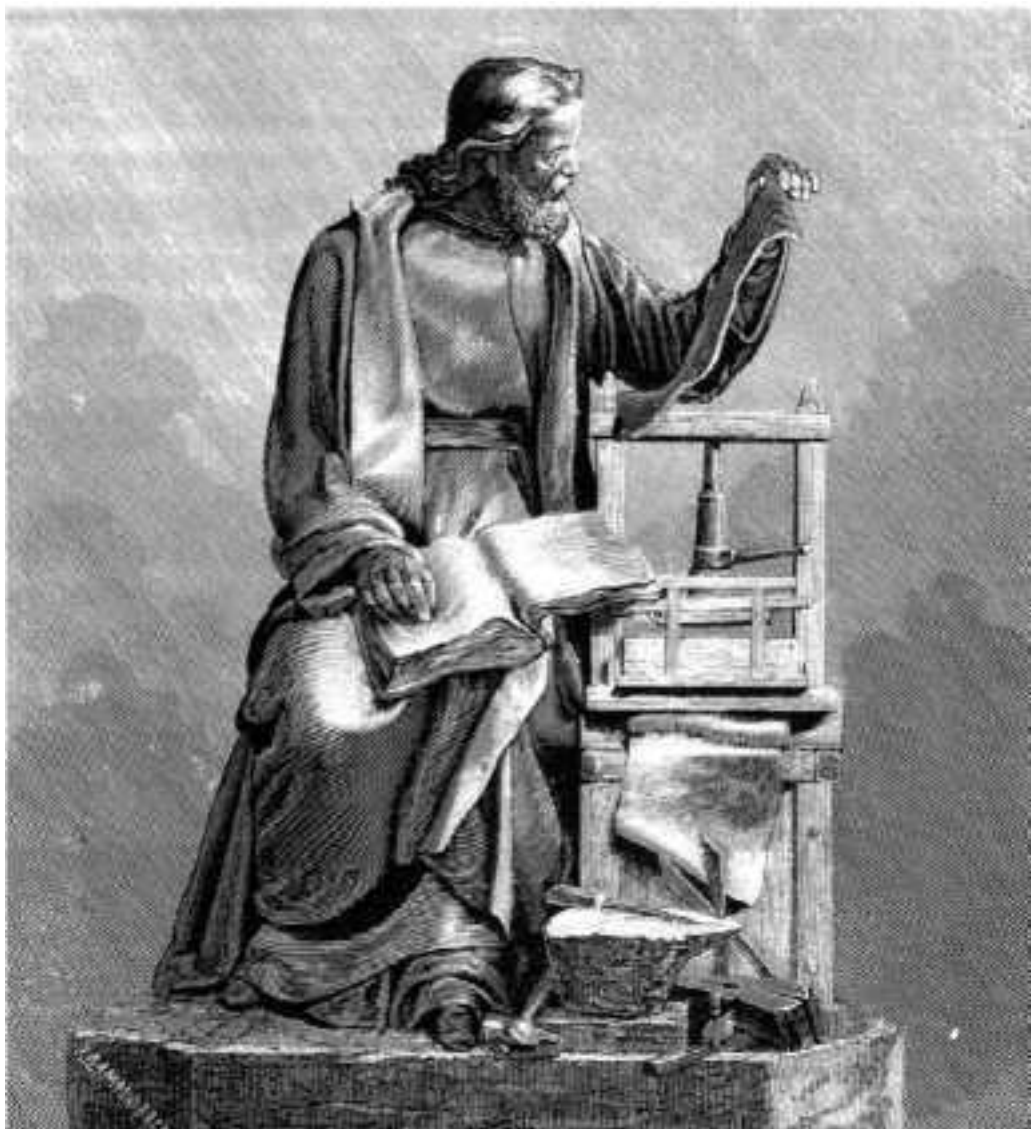

Богомольцы на ступенях храма Василия Блаженного
Художник И. Земцов

Первопечатник

Уже бежав из Москвы и живя во Львове, Иван Федоров выпустил еще несколько книг для русских людей и первый русский букварь. Теперь его звали Иван Федоров Московитин. А когда он скончался в 1583 году, на его могиле почитатели поместили надпись: «Печатник книг доселе невиданных».

В XVI веке докторов, художников, мастеровых и ремесленников все чаще приглашали из-за границы. Правда, москвичи считали их погаными еретиками и старались держаться от их жилищ подальше. При царе Иване IV для иноземцев отвели особое место, названное Немецкой слободой.

Первопечатник Иван Федоров (около 1520–1583)

Дьякон Николо-Гостунской церкви Иван Федоров часто заглядывал в Немецкую слободу послушать рассказы, какие быстрые успехи делает на Западе просвещение благодаря тому, что Иоанн Гуттенберг сто лет назад изобрел типографский станок и подвижные буквы.

Изобретение книгопечатания очень удешевило книги и сделало их доступнее. Иван Федоров уже слышал об этом дивном изобретении от своего приятеля Петра Мстиславца, выходца из Западной Руси. Теперь ему захотелось самому попробовать изготовить печатный станок. В свободное от церковной службы время он стал запирается у себя в доме и упорно работать. Готовил формы, отливал металлические буквы, делал первые опыты печатания. Опыты удались, но не было средств, чтобы расширить дело. И тут помог случай.

Прослышал Иван Федоров, что царь ищет человека, который мог бы печатать книги, и добился приема у него.

В присутствии митрополита и бояр он показал Ивану Васильевичу отлитые буквы и свои первые опыты печатания, подробно рассказал о своей работе и заверил в успехе и пользе печатного дела. Царь остался доволен, ободрил Федорова и дал денег на постройку печатного двора. Это произошло в 1553 году.

Но отпущенные деньги были вскоре израсходованы, постройка остановилась, и московский люд стал смеяться над печатником, называя его за дружбу с иноземцами басурманом.

Только через десять лет сбылась мечта Ивана Федорова, и на Никольской улице, наконец, достроили большое деревянное здание со слюдяными окнами, украшенными искусной резьбой.

Летом 1564 года в царской печатной палате был большой переполох. Казалось бы, ничего особенного в Москве не приключилось: и царь Иван Васильевич здоровствовал, и недруги ниотколе не грозили... А царские печатники суетой суетились, палату убирали, свинцовую пыль стряхивали, литеры ровней укладывали, рамы печатные, станки да тиски порядком устанавливали.

Печатных дел мастера Иван Федоров да Петр Мстиславец в праздничные охабни оделись, волосы расчесали, намастили. Умылись, приубрались и ученики их, младшие печатники Никифор Тарасьев да Андроник Тимофеев по прозвищу Невежа.

Солнышко весело глядело в широкие окна. Перед образом празднично блестела лампада. Пахло в палате печатной краской; всюду были сложены столбцами листы, испещренные черными строками с яркими киноварными заставками.

– Живей, братцы! – говорил Федоров. – Того и гляди, пожалует царь Иван Васильевич. День-то у нас праздничный: отпечатали мы Апостол во славу Божью. Первой книгой печати московской будет она и останется таковой во веки вечные.

– Царь жалует! – крикнул Мстиславец, и все бросились из палаты навстречу государю.

Скоро полным-полна народу стала печатня. С государем приехали новые царские любимцы: Скуратов, Басманов, Вяземский, Грязной да архимандрит Левкий и много других. Царь Иван Васильевич сел посреди палаты, у печатных станков, окинул орлиным оком печатников и речь к ним повел витиеватую, красноглаговливую:

– Зрел я труды ваши и плод стараний ваших, мастерства нового, хитрости неизреченной. И возвеселился я сердцем ради того, что земля Русская к иноземной науке приобщилась. Служите вы прославлению имени Божья, словеса Его святыя во многократном образе леповидно и красноуставно тисненью предаете. Медом мудрости и благочестия преисполнилась душа моя, егда читал я в печати вашей Деяния святых апостолов. За сие жалую вас хвалою царской и дарами из казны моей.

Иван Грозный на Печатном дворе

В землю поклонились царю печатных дел мастера и юные ученики-печатники. Царские провожатые всё в палате с любопытством оглядывали. Кто набор готовый из литер прочесть пытался, кто станок пробовал, кто листы глядел оттиснутые.

– А помните ль наказ мой царский вы – Иван да Петр? – спросил погоды царь Иван. – Наказал я с Божьей помощью ко второму труду немедля приступить...

– Благословясь, приступили к нему, царь-государь, – ответил Иван Федоров. – Не изволишь ли поглядеть?.. Два листа уже из Часовника натискать успели. Дайте-ка, молодцы, свежие листы его пресветлому царскому величеству. Не хуже Апостола книга выйдет, царь-государь московской печатне на славу.

– А что, исправно ль ученики твои работают, Никешка да Андрюшка? – спросил царь, кивая на молодых печатников. – Батогов не дать ли им для науки? Чай, для такого дела дюже еще молоды?

Никифор да Андроник от царского опроса не смутились. Они были парни сметливые и в работе ловкие. Да тут же за них заступился и старший печатник Иван Федоров.

– Нет, надёжа-государь, не могу похулить молодцов. Послушливы, старательны оба. Не одно лишь печатное да наборное дело знают, а еще и справщиками изрядными учинились. По свитку писаному неукоснительно следят и сразу зорким глазом подметят, где вместо «аза» или «буки» иная литера стоит, где заставка покривится, где строка неровно пойдет. Мигом все справят, так что нам с Петром Мстиславцем, почитай, и глядеть нечего. Достойны сии парни не менее нас твоей царской ласки.

– Похваляю вас, Никешка да Андрюшка, – ласково вымолвил царь Иван Васильевич, просветлев взглядом.

Молодые печатники в ноги царю поклонились, а потом снова встали перед его царским величеством, держа тяжелую доску с четкими, ровными рядами литер, в медные рамы заключенных. И государь Иван Васильевич стал любоваться умелой работой своих печатников. А Иван Федоров продолжил свой рассказ:

– Будем мы, царь государь, печатать Часовник на клееной бумаге, на листах малой меры, литерами письма полууставного, ровными, красовитыми. Оглавки мы, царь-государь, оттиснем не черной краской, а яркой киноварью, чтобы далеко было видно и чтецу к передышке служило. Такой же киноварью отпечатаем титульные литеры и конечные, малые строки. Глянь, надёжа-государь, на сей лист, для начала тиснутый. Вишь, как киноварь рдеет промежду строк да черных литер?.. Чистая краса, глазу утешение!

Полюбовался царь Иван Васильевич на лист, красовито отпечатанный.

– Изрядно, – молвил. – Не все хвалишь работу свою. И краски, и литеры зело добры суть. Изрядно!

Ободренный царской похвалой, далее повел речь Иван Федоров. Душа его горела к любимому мастерству, и сам он дивовался делом рук своих.

– А в каждом листе, царь-государь, будет у нас двадесять да пять строчек, ровных, четких, единообразных. Строка же наша вниз все меньше идет, и печать углом до конца доходит – точкой киноварной кончается. Заставки и числа в новом Часовнике тоже краскою тиснуты будут... А святые лики мы тискаем с резных досок и с таких же досок – углы и ободы для заглавных страниц.

– Хвалю! – опять молвил ласково царь Иван Васильевич. – Отрадно сердцу моему царскому, что в Русской земле мастерство новое столь славно и крепко делается. Впрок пошла тебе выучка датского печатника. Недаром он и мзду приял.

– Великий искусник был сей датский печатник, – подхватил похвалу царскую Иван Федоров. – И того государя мудрость велика, что нам, рабам недостойным, в сию выучку вступить повелел. Того царя мудрого, светлоумного не забудет Русь православная до скончания своего.

– Слышали? – грозно повернулся царь Иван Васильевич к своим спутникам. – Слышали? Уразумели? Сей человек мне, царю, истинную хвалу воздал, а не по-вашему, лестью и наговорами, сердце омрачил.

Скуратов, Вяземский да Басманов потупились, но потом искоса бросили недобрый взор на печатника.

Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584)

– Чай, у нас скоро книги-то не хуже заморских будут? – спросил царь Ивана Федорова. – В зарубежных-то краях сие мастерство давно живет. Слыхал я, что в Польше раньше нас печатни завели?

– Истинно так, надежда-государь. У князя Николая Радзивилла в Литве в прошлом году Библию зело хорошо напечатали. В городе Несвиже два года назад стали на русинском языке книги печатать. В Кракове же, царь-государь, более восьми десятков лет печатня изрядная работает. Только там всё латинскими литерами печатают, а славянских, почитай, и не знают вовсе. В чешских землях, царь-государь, книжная печать с прошлого века живет. Был там славный мастер-печатник, именем Феол, и напечатал он святую книгу Октоих древней кириллицей. А потом, надежда-царь, тот печатник чешский еще святые книги кириллицей печатал: Часослов, Триодь цветную, Триодь постную. И в тех книгах о русских святых упомянуто. То прежде было в Кракове. Ныне же, как я твоему царскому величеству молвил, верх взяла латынщина, а кириллицу забросили. Давно тоже в Черных горах, во граде Ободе, словенская печатня работает. Там инок Макарий тому делу основу положил. И еще была в Венеции-граде словенская печатня, где печатник Андрей Терезанский работал. Там давно уже Часослов кириллицей напечатали. А в начале нынешнего века в Праге полочанин некий Скорино завел русскую печатню, до пятнадцати святых книг напечатал, и среди них Библия...

– Памятлив ты, Иван! – молвил царь Иван Васильевич. – Однако пора и во дворец. Помолимся во храме Божьем, а там и за трапезу. Сбирайтесь вы, надоедники мои! Чай, вам от разумной беседы невмоготу стало? Все бы вам бражничать да буйствовать!.. Хвалю вас, Иван, Петр, Никешка да Андрюшка! Трудитесь во славу Божью, на пользу и честь земли родной. Покажите, что Русь мастерством, разумом и умением твердо стоит. А когда напечатаете Часовник, еще пожалую вас милостью и беседой царской.

Начало опричнины

О том, как выглядел государев Опричный двор, рассказывает немецкий авантюрист Генрих Штаден, живший в России в 1564–1576 годах и состоявший в числе опричников: «Когда была учреждена опричнина, все те, кто жил на западном берегу реки Неглинной, безо всякого снисхождения должны были покинуть свои дворы и бежать в окрестные слободы... Великий князь велел разломать дворы многих князей, бояр и торговых людей на запад от Кремля, на самом высоком месте, в расстоянии ружейного выстрела; очистить четырехугольную площадь и обвести эту площадь стеной; на одну сажень от земли выложить ее из тесаного камня, а еще на две сажени верх – из обожженных кирпичей. Наверху стены были сведены остроконечно, без крыши и бойниц; протянулись они приблизительно на сто тридцать саженей в длину и на столько же в ширину; с тремя воротами: одни выходили на восток, другие – на юг, третьи – на север».

То был страшный для Руси день – народ пришел к своему царю с повинной головой, и заключил с ним Иван Васильевич Грозный кровавый уговор!.. С того дня рекою полилась кровь русская, все чаще и чаще летела с могучих плеч удалая головушка. Январь того страшного 1565 года стал началом опричнины...

Привела к ней царя вся его тяжелая, поистине страдальческая жизнь. С ранних лет почувствовал на себе властолюбивый и грозный государь опеку бояр и духовенства. Эта опека воспитала в нем дурные наклонности, пробудила зверя лютого, разожгла страсти кровавадные. Не дав ничего царской душе, окружавшие его зорко следили за каждым его шагом, старались прибрать власть к своим рукам. Они не замечали, что их опека горькой обидой засела в душу государя, что эта обида с каждым днем становится все острее и острее, все ближе и ближе к тому, чтобы прорваться неудержимым потоком мести. Пока была жива первая жена Ивана Васильевича, кроткая царица Анастасия, она, как могла, сдерживала своего супруга. Но с ее смертью будто разом спали все оковы с гневной царской души. Он обвинил в смерти кроткой царицы бояр, припомнил все нанесенные ими обиды, и наступил час расплаты.

Один за другим бояре подвергались опалам и казням. Москва захлебнулась в крови и слезах, оцепенела в ужасе. Темницы наполнились узниками, монастыри – ссыльными. Но с каждой новой жертвой царского гнева росло и число недовольных его деяниями. Царь видел это, и злоба его росла пуще прежнего. Ему стало казаться, что вокруг него повсюду таится страшная измена, и, кроме злобы, страх начал овладевать его сердцем. Он уже боялся оставаться в одиночестве. А тут еще обнаружились явные измены князей Вишневого и Курбского. Измена последнего, на которого он надеялся, как на каменную гору, вконец сразила Ивана Грозного. Он стал бояться жить в Москве, и внезапно рано утром 3 декабря 1564 года оставил ее, переехав в Александровскую слободу.

Таинственный отъезд царя из столицы не предвещал ничего доброго, и это почувствовали все. А царь не подавал из своей слободы никаких вестей.

Наконец 3 января были присланы в Москву две царские грамоты: одна – к митрополиту, боярам и начальным людям, другая – ко всему народу. В первой царь указывал на измены бояр и на их крамольные намерения. «Царь и государь и великий князь, – говорилось в ней, – от великой жалости сердца не желая их многих изменных дел терпеть, покинул свое государство и поехал, чтобы поселиться там, где ему, государю, Бог укажет». В грамоте же к простому народу царь являл полную свою милость.

Иван Грозный за синодиком.
Художник И. Земцов

Грамоты были получены, когда шла война с Литвой, а с юга грозили крымские татары. И в такое тяжелое время государство осталось без своей главы, по уверению грамот, из-за боярской крамолы! Московский люд оцепенел в ужасе, все пришли в смятение. Народ, обласканный в грамоте царем, озлобился против бояр. Бояре же во всем винили духовенство, духовенство – бояр. Но все были согласны в том, что нужно немедленно отправить депутацию из почетных людей всех сословий в Александровскую слободу, чтобы те слезно и неотступно просили Ивана Васильевича вернуться на царство...

И вот выбранные от московского населения пришли в царскую слободу, где их уже давно поджидали. Здесь все дышало жаждой мести, каждый день вынашивались новые планы, один другого кровавее. Окружали царя Алексей Басманов, Малюта Скуратов, молодой красавец-князь Афанасий, которого попросту кликали Афонькой Вяземским, князь Михаил Темрюкович Черкасский и многие другие любимцы. Все они одно напевали Грозному, все толкали его на кровавый путь.

А он застучал об пол острым посохом:

– Зачем явились?

Посланники снова пали наземь и завопили:

– Милостивец-государь, не покидай нас, погибаем! Кто спасет нас от врагов иноземных? Остались, как овцы, без пастыря.

В нестройном гуле голосов они несказанно восхваляли царя, слезно умоляли его смириться над ними, не оставлять царства, карать по своему разумению тех, за кем знает вину.

Слезные долгие мольбы смягчили Грозного, в глазах его за тенью злорадства проскользнул свет любви.

– А коли так, – проговорил он, – слушайте же меня.

В длинной речи он исчислил неправды, крамолы и измены боярские и поставил условия, на которых соглашался вернуться на царство. Припомнил он и свои детские годы, самочинство бояр над ним и его близкими. Все больше и больше распалялся царь. И вдруг, как бы уставши, стал говорить умиротворенно, что править государством без жестокостей и строгости никак невозможно, что царь носит меч злодеям в устрашение и в защиту добродетельным.

– И коли вы пришли звать меня вновь на государство, – опять возвысил голос Иван Васильевич, выпрямившись во весь рост и стуча об пол посохом, – то вот вам мой сказ! Вижу я ныне единое великое дело – извести крамолу из земли Русской. А потому да вольно мне будет без доуки и печалований духовных отцов казнить изменников и налагать на них опалу. Для сего дела решил поделить я мое государство на две части: опричнину и земщину. Хочу окружить себя верными людьми, которые помогут мне искоренить крамолу. Много людей понадобится мне для великого и славного дела. А потому часть городов на них и на себя отписываю. Другие – на земщину. Пусть ею старейшие из вас управляют, часть государства забот на себя возьмут. Мне бы поменьше доуки, ведь на великой трудности дело иду!

Монахи

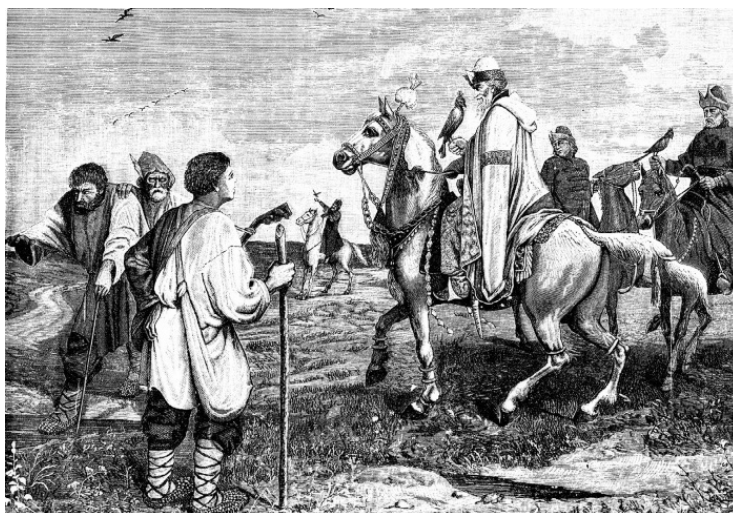
Царь умолк. Московские посланцы безмолвствовали.

– Аль не слышали?! – загремел своим посохом грозный царь.

– Твоя воля, государь, казнить и миловать виновных и все исправлять твоими мудрыми законами, – отвечали посланцы.

– А за подъем наш в Александровскую слободу, – закончил Грозный, собираясь уходить, – прислать вам следует сто тысяч рублей из Земского приказа.

– Упреждены мы о том, великий государь, слугой твоим верным Малютой и принесли их, – отвечали посланцы, кланяясь на прощание своему царю...

Иван Грозный на охоте

А между тем, пока Иван IV вел разговор с москвичами, Афонька Вяземский заканчивал в одной из дальних царских палат особый разговор с царским охотником Ерошкой Кулычевым.

Пир опричников.

Художник В.Г. Шварц

– Так и говори царю, – наставлял Афонька Ерошку.

Давно Вяземский с Малютой задумали это дело. Хотели они царским опричникам, что измену будут выводить из земли Русской, знаки внешние придать, чтобы страху к ним больше было. Говорили и царю об этом. Долго думали, раскидывали умом и наконец придумали...

– Устал, милостивец? – заботливо склонился Вяземский к царю. – Чай, замучили тебя супостаты?

– И на их долю достанется, – мрачно усмехнулся Грозный.

– А у нас дело к тебе.

– Аль на деньги позарился? – проговорил, усмехаясь, царь, глядя на золото, оставленное москвичами. – Дай-ка лучше ларец и положи их туда.

– Не то, милостивец, – Вяземский покорно подал ларец. – Сказывал ты, что знак нужен твоим телохранителям. Так вот охотник Ерошка Кулычев ожидает предстать пред твои светлые очи.

– Аль придумал что холоп?.. Зови, зови.

Ерошка упал в ноги царю и, когда поднялся по царскому зову, положил у ног Грозного мешок.

– Ну, раскрывай, показывай.

Из мешка выкатилась собачья голова и выпала метла. Увидев свежесотсеченую собачью голову, царь отшатнулся и с удивлением взглянул на Ерошку. Тот поспешил объяснить.

– Великий государь, голова пса с оскаленными зубами – знак, что опричники твои, как псы, будут грызть царских лиходеев. А метлой будут выметать крамолу из земли Русской.

– Лукьяныч! – крикнул царь Малюте, который ждал зова в соседней палате. – Гляди-ка, как хитро придумано. Лучше и не выдумаешь... Награди его, Лукьяныч, да, пожалуй, в опричники засчитай. Такой пригодится для нашего великого дела.

И через месяц великое дело началось: снова полилась боярская и холопская кровь.

Горбатые-Шуйские

Когда в феврале 1565 года Иван Грозный вернулся в Москву, вид его был ужасен, у него выпали все волосы и взгляд почти всегда оставался безумен. Он решил всем доказать, что «жаловать есмь своих холопей вольны, а и казнити вольны же».

Ужаснулась Москва, увидев царя Ивана...

Недавно был он стройный, высокий ростом, с ясным взглядом серых, полных огня глаз. Его умное лицо украшали борода и усы, а на голове росли густые волосы.

Не узнала столица в сгорбленном старце, с искаженными злобой чертами, с совершенно вылезшими волосами на голове и бороде, потухшим взором, лишь изредка вспыхивавшем гневом и яростью, того Ивана Васильевича, который победоносно водил русские войска под стены Казани и Астрахани, друга Сильвестра и Адашева.

Точно туча нависла над столицей, когда Иван Васильевич 3 декабря 1564 года, после обедни в церкви Успения, уехал из Москвы вместе с царицей Марией Темрюковной, с сыновьями, со своими любимцами Алексеем Басмановым, князем Афанасием Вяземским, Михайлом Салтыковым и другими, с целым полком вооруженных хранителей, забрав с собою множество дворцовой утвари, драгоценностей, денег, икон и крестов. Но еще большее смущение овладело всеми, когда после продолжительного путешествия по разным монастырям царь из Александровской слободы прислал с чиновником Константином Поливановым письмо митрополиту Афанасию, а другое, с дьяками Путилой Михайловым и Андреем Васильевым, к гостям, купцам и мещанам московским.

Царские рынды

Вся столица пришла в ужас, узнав, что царь в этих письмах заявил о желании оставить престол. Грозен был Иван, страшен гнев его, но безначалие и правление боярское, столь

памятное во время малолетства царя, показалось людям московским страшнее правления царского...

Встревоженный народ требовал возвращения царя. «Государь оставил нас, мы погибнем! Кто будет нашим защитником в войнах с иноплеменными?! Как могут быть овцы без пастыря?!» – кричали все.

Под влиянием этих требований благословил митрополит святителя Новгородского Пимена и архимандрита Гдовского Левкия послами к царю, а с ними отправились в слободу Александровскую многие епископы, бояре, князья, окольные, дворяне, приказные, купцы, мещане и другие люди просить царя вернуться в Москву и царствовать, как будет ему, царю, угодно.

Иван не ошибся. Недолго заставил он себя уговаривать и согласился «паки взять свои государства для отца моего митрополита Афанасия, для вас, богомольцев наших, архиепископов и епископов».

В Сретенье той же зимы торжественно въехал государь в Москву, окруженный любимцами, телохранителями с мечами, ружьями, дрекольями.

Навел страх на москвичей отъезд царя, а еще больший – его возвращение. Был царь грозным владыкой, не знавшим ни жалости, ни пощады, а вернулся еще страшнее. Поняли люди московские, что сами на себя беду накликали, и в ужасе притихла Москва, ожидая гнева царского.

Не заставил он себя долго ждать.

На другой же день, 3 февраля, по Москве пронеслась зловещая весть – завтра суд царский.

И все знали, что это значит.

Этот суд не ведал ни милости, ни сострадания, ни правды. Ничто не спасало от царских подозрений. Иоанн не давал себе труда даже проверять домыслы, посылая несчастных на казнь. В свирепом гневном не знал он ни правого, ни виноватого и без содрогания не раз убивал своей рукой.

Хорошо, если обреченному на смерть удавалось перейти в ее холодные объятия без мук, без пыток, придумываемых с особенным старанием самим царем и его любимцами. Но не многим это удавалось. Царь не только казнил своих мнимых врагов, но и старался отравить всевозможными мучениями их последние предсмертные часы.

С трепетом ожидали московский люд, на кого в этот раз падет тяжелый жребий гнева царского.

Рано утром 4 февраля вся столица устремила на площадь. Взошло солнце, чтобы видеть новое кровавое дело, одну из черных страниц истории, несмываемое пятно с царствования Ивана Грозного. Видеть, как славный воевода князь Александр Борисович Горбатов-Шуйский, потомок святого Владимира, Всеволода Великого и древних князей суздальских, знаменитый участник покорения ханства Казанского, муж ума глубокого, искусный в делах ратных, ревностный друг отечества и христиан, станет первой жертвой нового безумия царя.

Спокойно, с глубокой думой на челе старый русский князь шел на заклание об руку со своим семнадцатилетним сыном Петром Александровичем...

Тяжело было старому боярину, всю жизнь служившему и на полях ратных, и в иных делах дорогой ему Руси, не щадившему ни своих сил, ни здоровья. Тяжело и обидно было, но не за себя сжималось его сердце от страшной боли – от сознания, что с собой на плаху он ведет юного сына. Растил, лелеял он его, воспитывал в страхе Божьем, готовил на службу родине, вселял ему с малолетства любовь к ней, знал, что не посрамит отца и предков Петр, будет достойным носителем имени Горбатовых-Шуйских. И вот этому сыну судил Господь сложить голову на плахе под ударом палача.

Не к жизни привел он, отец, своего сына, не на широкий путь служения родине указал ему, а на жестокую смерть. Если он, старый князь, умирал за сознание, что Иван не царь Руси, Богом поставленный, не помазанник Божий, а мучитель лютый, утративший образ и подобие Божие, то ведь Петр, чистый сердцем и помыслами, умирал лишь за то, что чтит отца, исполняя завет Христов.

Покорно шел молодой князь Петр об руку с отцом. Не судил ему Господь пути жизни, не судил ему быть утешителем старости отца, а судил принять венец мученичества, принять смерть вместе с тем, кто дал ему жизнь.

В немом ужасе смотрела толпа, как взошел на плаху старый князь, сын любимого народом воеводы Василия Ивановича Горбатого-Шуйско-го, наместника в Новгороде и Пскове, члена Верховной боярской думы в пору малолетства царя. И поняла толпа, кого она возвратила на царство, поняла, что за этим страшным днем наступит и другой, и будут новые жертвы. Безумию Ивана Грозного дали силу.

Княжич подошел к отцу и склонил перед ним в последний раз колени. Долго крепился старый боярин, но не выдержал, и покатались из глаз его на седую бороду тяжелые, редкие слезы. Благословил он сына на смерть земную, а следом за ней – на жизнь вечную. Обнял его и трижды поцеловал. Князь Петр склонился на плаху.

– Нет, сын мой, – остановил его отец, – окажи мне милость великую, не дай видеть отцу смерть сына. Я первым предстану перед Всевышним.

Выдача головою.

Художник Н.Д. Дмитриев-Оренбургский

Старик подошел к плахе, палач замахнулся мечом и разом отсек голову. Князь Петр, на минуту осиротелый, взял в руки отрубленную голову отца и с благоговением ее поцеловал. Затем, сотворив крестное знамение, с веселым лицом взглянул на небо и, ожидая радостного свидания с отцом в царстве Христовом, подошел к плахе, и палач тем же мечом совершил и над ним свое дело...

Так погибли последние князья Горбатые-Шуйские, отец и брат Евдокии Романовой – жены деда первого царя из дома Романовых Михаила.

Святой Филипп

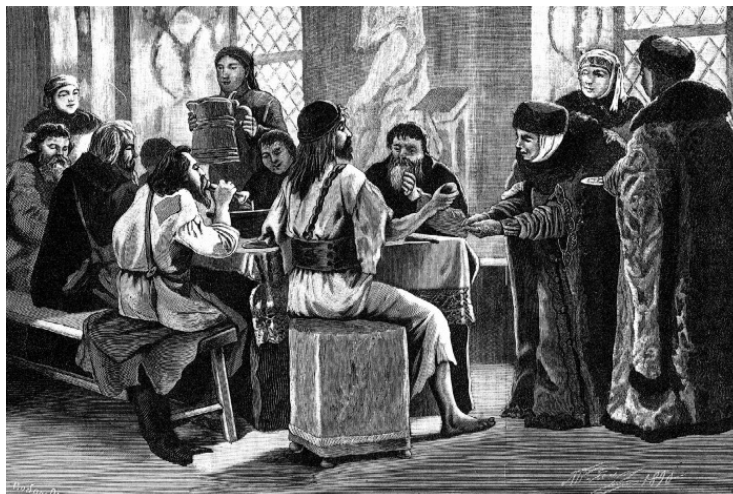
Святитель Филипп принял мученическую кончину 23 декабря 1569 года. Тело его с поспешностью было захоронено в Тверском Отрочем монастыре. 9 июля 1652 года святые мощи были доставлены в Москву. На том месте, где у городской черты духовенство и народ встречали святыню, был воздвигнут крест, от которого получила свое наименование Крестовская застава. Мощи святителя Филиппа были положены в серебряной раке в Успенском соборе Кремля, где почивают и до сего дня.

Осенью 1537 года, перед закрытием навигации, на пристани Соловецкого монастыря высадился богомолец. С виду ему было лет тридцать. Исхудалое загорелое лицо, покрытые мозолями руки, казалось, обличали в нем простолюдина. По одежде он тоже не выделялся из толпы. Согласно монастырскому обычаю, его не спрашивали: кто он, откуда, зачем? Товарищи по путешествию могли только рассказать, что в последнее время он пас стада у одного крестьянина прионежской деревни Хижи.

Прямо с пристани таинственный богомолец пошел искупаться в Святое озеро, а оттуда – поклониться гробам преподобных соловецких угодников. Явившись потом к отцу настоятелю, богомолец объявил свое намерение навсегда отказаться от мира и просил в виде искуса назначить ему послушание.

Впоследствии узнали о пришельце, что был он сыном известного боярина Степана Ивановича Колычева и звали его Федором. Его отец был любимцем великого князя Василия Ивановича. Дядя его, Иван Колычев, был наместником в Новгороде, послом у крымского хана Менгли-Гирея.

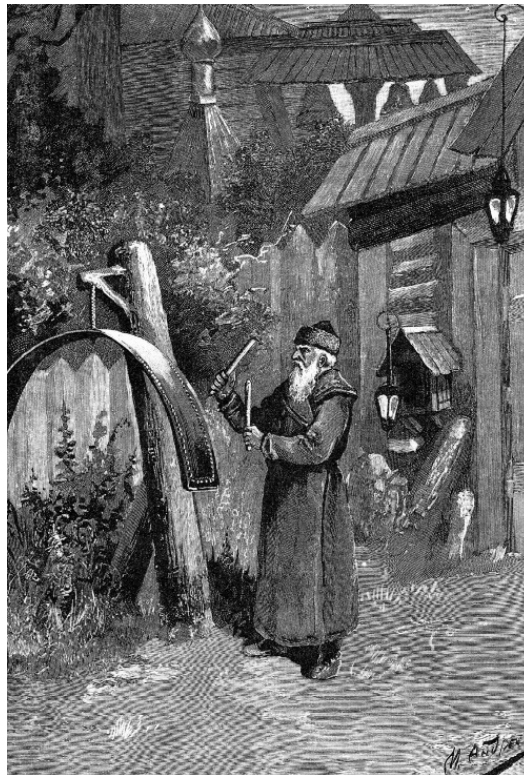
Дом бояр Колычевых отличался широким русским гостеприимством. Мать Федора Колычева считала самым большим для себя удовольствием и отрадою пригревать бесприютных сирот, больных и убогих. Федор выучился читать по церковным книгам, знал не только Священное Писание, но и сочинения святых отцов Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова и многих других. При врожденной тихости нрава, равнодушии к забавам товарищей он всею душою был предан книгам. Как дворянин знатного рода, Федор должен был готовить себя к государственной воинской службе. К нему были приставлены особые дядьки, которые учили его верховой езде, стрельбе в цель, умению владеть копьем и саблей, без чего нельзя было обойтись дворянину.

Юродивые в боярском доме.
Художник М.К. Клодт

С ранних лет в Федоре Колычеве под влиянием родителей развилось необыкновенное благородство в характере. Кроткий, обходительный в обращении, он выделялся среди товарищей чистой душой, степенностью и благоразумием не по летам. Отец его заседал в Боярской думе, и, естественно, когда сын подрос, он был взят ко двору. Но после смерти великого князя Василия Ивановича его вдова царица Елена завела ссору с дядей малолетнего государя Ивана Васильевича, Андреем Старицким. Бояре Колычевы приняли сторону последнего, и за это по обычаю того времени их подвергли жестоким пыткам, заковали в цепи и заключили в одной из мрачных кремлевских башен.

Несчастье родных произвело сильное впечатление на юношу. Он сделался задумчив, чаще стал ходить в церковь, усерднее молиться. Однажды, слушая Евангелие от Матфея, он был поражен словами: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне».

Церковный сторож.
Художник М. Андреев

Федор Колычев очень скоро приобрел расположение монашествующей братии. Полтора года провел он в строгом послушании, исполняя самые черные работы. Он рубил дрова, копал огородные гряды, таскал камни, занимался рыболовством, работал на монастырских мельницах и кузницах, а после утомительного трудового дня почти всю ночь простаивал на молитве.

Наконец Федор был пострижен в инок с именем Филипп. Девять лет он провел на Соловках в совершенном уединении и строгой подвижнической жизни. Но тут случилось неожиданное. Престарелый игумен Алексей, человек болезненный, решил отказаться от

настоятельства и предложил братии назначить на свое место Филиппа. Долго отказывался благочестивый инок от предложенной ему чести. Наконец, покоряясь воле Божьей, управляющей всеми делами человека, он дал свое согласие и поехал в Новгород за благословением к архиепископу Феодосию, который и посвятил его в игумены.

В Соловецкой обители нетерпеливо ждали возвращения Филиппа. Как только вдали показалось судно, на котором ехал новый игумен, вся братия поспешила на пристань с крестом и святою водою. Хор певчих огласил воздух пением молитв. Когда Филипп поступил на землю, начался благодарственный молебен с водосвятием. Затем последовало торжественное шествие в монастырский собор, где во всеуслышание была прочитана грамота новгородского архиепископа, возводившего Филиппа во игумена монастыря.

Аскет и труженик, став во главе соловецкой паствы, выказал поистине гениальную способность управления, которой недоставало многим светским людям, стоявшим в то время у подножия московского престола. Молва о его деятельности распространилась по всему северному краю и достигла Москвы. Богомольцы теперь толпами стекались в Соловки. Царь Иван Грозный пожаловал игумену Филиппу грамоты на право владения многими селами и угодьями, подарил богатые ризы и тысячу рублей на построение Преображенского собора.

В 1555 году по случаю церковного собора Филипп вместе с прочими настоятелями знатнейших монастырей был ненадолго вызван в Москву.

* * *

Прошло несколько лет после посещения Москвы, как вдруг в жизни Филиппа произошел неожиданный поворот. В Соловки от царя Ивана IV прибыл гонец с грамотой к игумену, в которой говорилось, что митрополит Московский Афанасий отказывается от своего сана и на его месте царь желает видеть Филиппа.

Собрав монастырскую братию, игумен объявил о царской воле и своем отъезде. Глубокой скорбью поразила иноков эта весть. В обители жил в ссылке священник Сильвестр, советчик царя Ивана Васильевича в юные годы. По наветам злых людей старец из Кириллова монастыря был изгнан на Соловки. Его рассказы о том, какое злодейство творит царское войско, названное опричниной, наполняли ужасом сердца иноков, трепетавших за жизнь своего любимого пастыря. Но Филипп сохранил твердость духа и безмолвно покорился воле государя. Совершив торжественную литургию, он последний раз присутствовал за монастырской трапезой и после краткого наставления братии вступил на борт судна, чтобы навеки покинуть соловецкие берега. Громкие рыдания осиротелой братии сопровождали отъезд игумена.

Не доезжая трех верст до Новгорода, Филипп был встречен многочисленной толпой новгородцев.

– Отче! – молили они, обступив Филиппа. – Будь ходатаем за нас и за город наш!

Слухи о царском гневе на Великий Новгород за его дружеские сношения с Литвою и Польшей все чаще стали долетать до вольных граждан. Страх и трепет объял новгородских жителей, и они слезно просили Филиппа смягчить сердце царя.

Милостиво принял Филиппа Иван Грозный. Он объявил, что назначает соловецкого игумена митрополитом Московским и всея Руси. Долго отказывался Филипп от столь высокого сана и смиренно молил царя отпустить его назад, в Соловки. Но царь оставался непреклонен.

– Повинуюсь твоей воле, государь, – склонил голову Филипп. – Но только отмени опричнину. Иначе быть митрополитом не могу.

Иван Грозный вспылил. Казалось, что дело не сладится. Но епископы стали умолять царя не гневаться, а Филиппа – покориться царской воле. Филипп уступил и даже согла-

сился дать письменное обещание не вмешиваться ни в дела опричнины, ни в обиход царской домашней жизни, мысленно надеясь, что все равно ему удастся принести много пользы родной земле.

В Успенском соборе Московского Кремля 25 июля 1566 года в присутствии царя, его многочисленной свиты, духовенства и горожан совершилось торжественное поставление Филиппа в митрополиты.

На некоторое время в Москве наступило затишье. Казалось, что царь забыл о жестокости. Но это только казалось... Опричники доносили ему, что москвичи стали избегать их, словно язвы, что повсюду на улицах стихает разговор, лишь только завидят их. Ивану Грозному любы были эти доносы, они подтверждали укоренившуюся в его больной голове мысль, что против него готовится большой заговор и верные слуги предохраняют его от опасности. Перехваченные в 1568 году грамоты польского короля ко многим знатым боярам с предложением вступить на польскую службу подали повод к новым казням. Царь уверился, что бояре Иван Челяднин, Щенятев и Турунтай-Пронский замышляют свергнуть его с престола, и всех троих казнили, а имущества их сожгли дотла. Неслыханные злодейства опричников вновь наполнили ужасом сердца москвичей.

Смерть шута Гвоздева

Наконец бояре и народ решили обратиться со слезным прошением к митрополиту, чтобы он воспользовался своим старинным правом печаловаться за опальных. И когда в трепете перед страшной царской грозой все на Руси притихли, неожиданно раздался смелый голос святителя Филиппа, громко осудившего непомерную жестокость Ивана IV. Сначала он попытался восстановить мир и порядок, призывая к действию духовенство на собрании епископов.

– На то ли, братие, существуем мы, – с юношеским жаром восклицал шестидесятидвухлетний старец, – чтобы молчать, страшась открыть истину царю?! Разве не видите, что молчанием своим мы вводим царя в грех, а свою душу в погибель? Желаем ли мы славы тленной? Мы не должны забывать, что наш сан не избавит нас от вечных мук, что наш долг – заботиться о мире и благоденствии людей. Нам нечего смотреть на безмолвных бояр – они связаны житейскими заботами. Мы же отреклись от мира, нам щадить себя не для чего и не для кого...

Митрополит Филипп отказывается благословить Ивана Грозного

Так говорил Филипп, этот «пастырь добрый, готовый положить душу свою за овца свои». Но не нашлось тогда никого среди московского духовенства, кто был бы так же великодушен, как он, кто решился бы подвергнуть себя опасности. К великому прискорбию русских людей, оказались среди духовенства и предатели, которые явились злейшими врагами митрополита и сторонниками опричников. Более всех злословил Филиппа царский духовник, незадолго до того подвергшийся церковному отлучению за важные проступки.

Но Филипп не устрасился и в одиночестве вступил в борьбу с царем, считая себя вправе давать ему пастырские советы и ходатайствовать, чтобы без суда не лилась безвинная кровь. Святитель отправился к Ивану Васильевичу и сначала вел с ним беседу наедине. В чем она состояла – неизвестно. Но очевидно, что убеждения митрополита не подействовали на царя, кровь продолжала литься по-прежнему. Тогда Филипп решил начать открытое, всенародное обличение царя. В Успенском соборе 29 марта 1568 года владыка стал убеждать государя не увлекаться гневом и держаться святой правды. Царь вспылил и приказал ему молчать. Митрополит кротко напомнил, что он, как пастырь церкви, обязан блюсти мир и спокойствие среди православных христиан.

– Тебе, государь, – говорил Филипп, – доносят одну неправду. Приблизь к себе людей, желающих советовать тебе доброе, а не льстить, прогони тех, кто ложью только волнует и раздражает тебя...

Царь угрожал митрополиту покарать его за дерзкие речи и в другой раз приказал молчать или сложить с себя сан. Филипп, в свою очередь, напомнил государю, что никогда не стремился занять первосвятительский престол и счел бы себя счастливым, если бы царь разрешил ему вернуться в Соловецкую обитель.

Царь ушел в свои покои в большом раздумье и в гневе на святителя.

Враги Филиппа не дремали. Началось повальное гонение на его родственников. Многих их них пытали, имения их жгли, имущество забирали в казну. Святитель терпеливо сносил все испытания, касавшиеся лично его и его близких. Но один случай погубил его.

Царь с боярами участвовал в крестном ходе из Новодевичьего монастыря. Обходя с крестами стены обители, митрополит остановился у ворот, чтобы читать Евангелие. Но, оглянувшись, заметил, что один из опричников надел тафью (высокую ермолку) на голову.

– Державный царь! – воскликнул Филипп. – Прилично ли такое беззаконие?

– Что такое? – изумился царь.

– Один из твоих людей пришел сюда в сатанинском образе.

Царь осмотрел всех, но ничего не увидел – опричник уже спрятал тафью. На допросе все опричники единодушно отвечали, что митрополит затеял это дело по злобе на царя. Ивана Грозного оскорбило в первую очередь то, что обличение было сделано всенародно, и решил осудить митрополита. Для этого вызвали из Соловецкого монастыря игумена Паисия, который, желая выслужиться, согласился стать главным обвинителем на соборе, составленном из светских и духовных лиц. Выслушав обвинение, Филипп ответил Паисию одно: «Что посеешь, то и пожнешь».

* * *

В восьмой день ноября святитель Филипп, облаченный в светлые ризы, стоял перед алтарем Божиим. Смирennemудрый старец, исполненный любви и кротости, возносил горячие моления к престолу Всевышнего.

«Боже правый и многомилостивый! Вложи благодать в сердце царево! Спаси святую Русь!» – эта мысль как луч солнечный проникала во все молитвы святителя.

Вдруг на паперти раздался необычный шум, нарушивший благоговейную тишину, прерывавшуюся доселе только пением церковного клира да возгласами священнослужителей.

Толпа молящихся раздвинулась, и к алтарю прошел, шумно потрясая оружием, отряд опричников во главе с царевым боярином и любимцем Алексеем Басмановым. Он передал дьяку грамоту и приказал читать.

Изумленный народ не верил ушам своим: во всеуслышание от имени великого государя объявлялось, что митрополит, осужденный синклитом духовенства, лишается сана святительского и пастырского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.